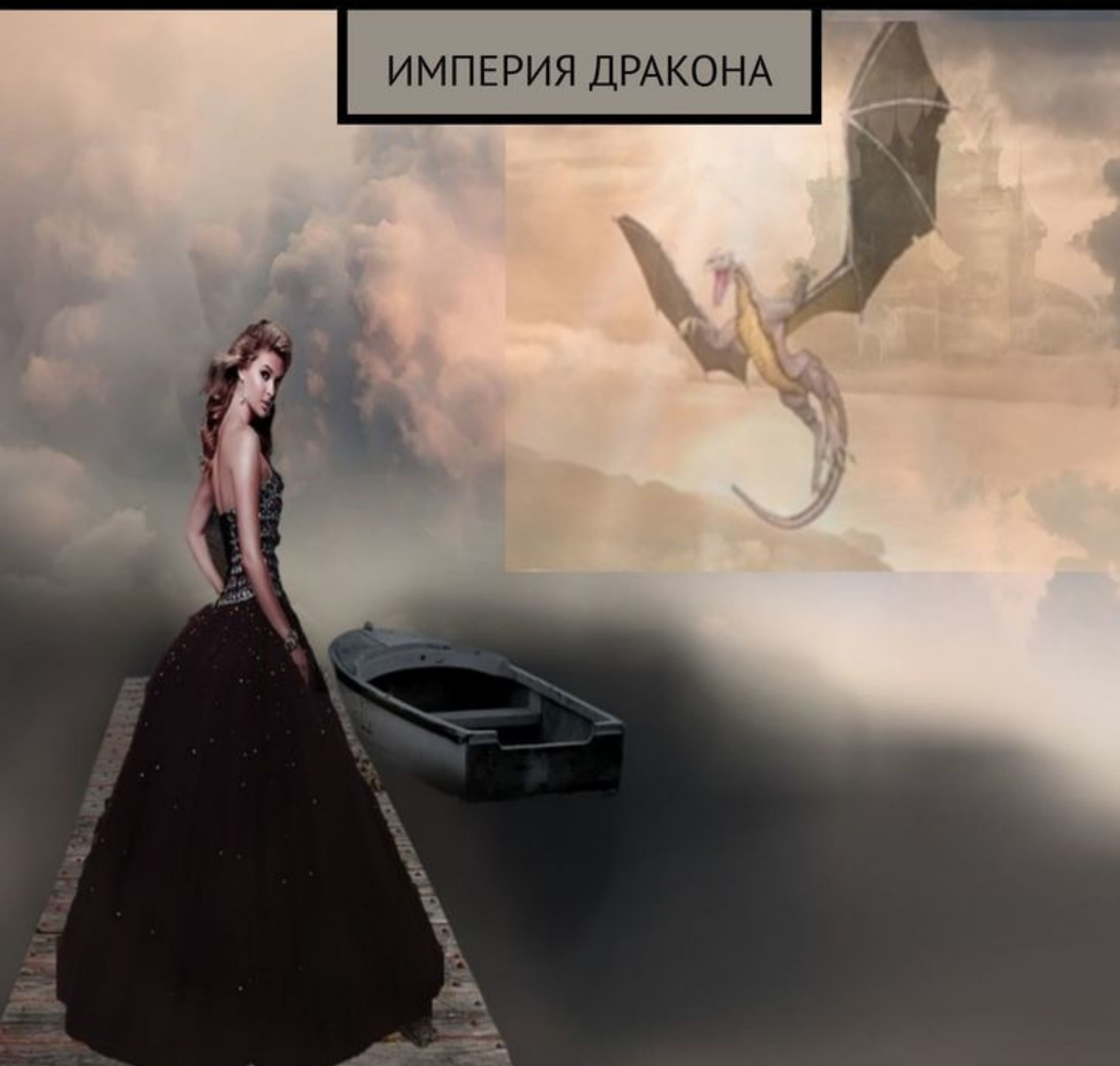

18+

НАТАЛИ ЯКОБСОН

Рианон-4. Рождение дракона

ИМПЕРИЯ ДРАКОНА

Натали Якобсон

**Рианон-4. Рождение
дракона. Империя дракона**

«Издательские решения»

Якобсон Н.

Рианон-4. Рождение дракона. Империя дракона / Н. Якобсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989301-7

Рианон вышла замуж за смертного короля, но у нее должен родиться сын от падшего ангела, который будет принцем, способным обращаться в золотого дракона. Его рождение может стать для Рианон погибелью, если только ее не спасет бывший возлюбленный. Но с Мадээлем как раз назревает война. Из-за Рианон он нарушил все условия и запреты. Терять ему больше нечего. Зато есть из чего выбрать. Что для него, бессмертного крылатого воителя, окажется важнее: желание мести или любовь?

ISBN 978-5-44-989301-7

© Якобсон Н.
© Издательские решения

Содержание

Общие интересы	6
Больше чем месть	19
Воин-любовник	29
Небесная лилия	44
Легенды вечности	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рианон-4. Рождение дракона Империя дракона

Натали Якобсон

© Натали Якобсон, 2020

ISBN 978-5-4498-9301-7 (т. 4)

ISBN 978-5-4498-9282-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Общие интересы

Ее разбудил ужасающий шум. Казалось, что стены замка сотрясаются, будто некая сила уничтожает и небо, и землю под ними. Все кругом вертелось в бешеном ритме. Рианон раскрыла глаза и заметила, как тревожно дрожит хрусталь на туалетных столиках и трясутся подвески люстры. В движение пришло все от основ земли, свай и фундамента до самых верхних шпилей на башнях. Ощущение было таким, словно какой-то великан своим мощным кулаком разрушает грандиозную постройку, как игрушку. Что это? Землетрясение? Невероятной силы ураган? Шторм? Или судный день?

При последней догадке она вскочила и в спешке начала одеваться сама, не дожидаясь служанок-фей. Что если это Мадеэль явился со всем своим адским войском? Что если прямо сейчас он стоит под воротами замка и требует выдать ее, а благородный Фердинанд, конечно же, не соглашается расстаться с мнимой супругой? Будь на то его воля, он бы не выдал ее никакому демону. Но ведь Мадеэль даже один без своей адской рати способен сокрушить не только весь королевский замок, но и Винор. Он может, не задумываясь, обратить в руины всю страну. Стоит ему без шлема пройтись по улицам города со своим огненным мечом и те, кому он не успеет снести голову, будут слепнуть или сходить с ума от его вида. А если он еще догадается кликнуть стаю своих драконов, то превратить пол мира в пепел для них не составит труда.

От ужаса Рианон едва могла трезво мыслить. Она схватила самое роскошное из своих платьев. Церемониальный наряд подвернулся ей самым первым. К тому же наряд застегивался спереди на изящные золотые пуговицы, выполненные в виде королевского герба. Драконий гребень из волос она перед сном не вынимала. Удивительно, но он совсем не мешал ей удобно устроить голову на подушке. Однако ей снились странные сны, будто она лежит мертвая под горой сокровищ в пещере дракона, а не живет в замке. Может, это была и не она, а какая-то другая девушка. Сон казался таким реальным.

– Госпожа!

Это Домиан уже стучался в дверь тайного хода, о котором он, как оказалось, давно знал. Вчера ночью они договорились, что он будет доносить ей обо всем, что происходит в замке и помогать по мере возможности. Он настолько уважал в ней подругу павшего ангела, что готов был забыть обо всех собственных интересах. У него и увлечений то если честно не было. От власти и невозможности отсрочить надвигающуюся немощь и старость он устал. Все его мечты давно уже были о том, чтобы собрать как можно больше сведений о воинстве Люцифера и если можно приблизиться к нему. Рианон помогала ему настолько стать ближе к заветной мечте, что у бедолаги кружилась голова. Он с первого момента понял, что если б не ее появление в Виноре, то он бы никогда не нашел здесь перо из крыла ангела. Если б не пришла Рианон, то вслед за ней не появился бы и крылатый рыцарь, которого Домиану удалось издалека разглядеть на турнире. Рианон посоветовала ему в будущем не смотреть слишком пристально, чтобы не лишиться зрения. Только она не знала, хватит ли у Домиана стойкости учесть ее советы, когда искушения снова окажется близко.

Все это время ей казалось, что Мадеэль прилетит сюда и его появление окажется сокрушительным не только для нее, но и для всего, что ее теперь окружает. Она только не думала, что это случится так скоро.

Если Домиан стучался к ней в такую рань, то произошло нечто невероятное. Вчера, когда помогал ей перенести и спрятать меч, он вел себя на удивление мужественно, сегодня его голос дрожал. Значит, и в самом деле надвигается беда. Рианон не сразу подумала о том, что он принести ей вести и о другом нападении. Что если война уже началась? Манфред нашел новых сильных союзников и сам напал на Винор? Это вряд ли могло случиться, и все же страх ее поразил.

Какую-то минуту она приходила в себя, даже не спеша впустить ожидающего Домиана. Когда она отодвинула панель, он едва мог отдышаться, так долго ему пришлось бить кулаками в дверь. Должно быть, он решил, что с ней что-то уже случилось, потому что выглядел крайне напуганным. Первым делом его глаза метнулись к распахнутому настежь окну.

– Закройте! – взмолился он.

– Но почему? – Рианон не спешила. Ее окна находились слишком высоко над уровнем земли. Даже если внизу под скалами, на которых возвышается крепость, в Королевском порту начнется буря, то вряд ли брызги от волн долетят на такую высоту. – Разве надвигается шторм? Или нас берет в осаду? Мне нужно опасаться вражеских стрел?

Он отрицательно покачал головой.

– Вот и отлично, – Рианон знала лишь один вид существ, кроме птиц, которые могут залезть сюда. В ее сердце опять шевельнулось тревожное подозрение. Может ли это быть Мадезель или кто-то из его воинства? Но как спросить об этом, чтобы не перепугать его еще сильнее.

– Сейчас вам лучше не оставаться одной. В тронном зале будет безопаснее. Там собрались люди. Лучники на башнях тоже если что готовятся стрелять. Они меткие. Вот только наконечники их стрел не рассчитаны на то, чтобы пробить такую броню.

– Вы меня заинтриговали, – Рианон взяла ручное зеркальце и принялась разглядывать свое отражение в нем. Хоть сегодня она и не выпалась, но выглядела прекрасно. За ее спиной отражался пасмурный рассвет и распахнутое окно. Кажется, в сером небе что-то блеснуло. Рианон заметила, что в зеркальце отражается изгиб крыла.

– Осторожно! – предупредил Домиан.

Рианон и сама уже все поняла. Она отошла от окна и присмотрелась внимательнее к заоблачной выси. Кажется, ей удалось рассмотреть вдали драконий силуэт. Она сфокусировала свое обострившееся зрение. Дракон наверняка видит ее с такого расстояния, но она ему не нужна. А вот он ей очень нужен. Он был яркого медно-желтого оттенка, с невероятными зелеными глазами подобными дум изумрудам и золотистым гребнем по всей спине.

– Только не зовите сюда Вивиана. Ему хватит и одних доспехов из драконьей чешуи, – усмехнулась она, последний раз взглянула на себя в зеркало, чтобы поправить растрепавшиеся локоны и так быстро сорвалась с места, что Домиан не успел ее остановить.

– Куда вы? – в отчаянии заламывал руки он, едва поспевая за ней. – Ведь все собрались в тронном зале, я же вам говорил...

Однако она неслась напрямик вверх по бесчисленным проходам и винтовым лесенкам. Чем стремительнее другие стекались вниз в тепло и безопасность тронного зала, тем больше ее тянуло наверх, к самым шпилям башен, к парапету, к серым пасмурным небесам. Раньше она боялась высоты, а теперь стремилась вверх. Вскоре она оказалась на крыше. Здесь было холодно. Лучники уже приготовившиеся стрелять даже не обратили внимания на нее. Одни натягивали тетиву, другие проверяли остроту стрел, кто-то уже занялся пушками и тяжелыми ядрами. Дракон как раз приближался к замку. Еще минута и он либо в быстром полете пронесется над шпилями, либо станет нападать. Если произойдет второе, то предстоит битва, которую эти люди могут не выиграть. Рианон представляла, какими жалкими они выглядят в глазах дракона. Мелкие и хрупкие, с их луками и игрушечными саблями или мечами. Ему они причинят еще меньший вред, чем иголки толстому черепашьему панцирю.

Рианон затаила дыхание. Вот он ее шанс договориться с драконом. С еще одним. Этот был намного больших размеров, чем тот, с кем она играла в пещере. Он был красивее, сильнее и наверняка могущественнее. Рианон знала, что он видит ее даже с большого расстояния. Она встала на парапет. Азарт был так велик, что даже страх упасть вниз перед ним ничего не значил.

– Заметь меня! Заметь! – молила она его мысленно. – Мне нужно с тобой договориться.

Ее пышное лазурное платье развевалось на ветру, должно быть, напоминая знамя. В любом случае хрупкая девичья фигура должна привлекать дракона. Его ведь тянет красота

и невинность – то, что было у Денницы до того, как он пал. Их, драконов, притягивает магнитом все, что хотя бы отдаленно о нем напоминает. А кто похож на него больше чем она? Значит, она должна быть для них ценнее и прочих невинных дев, и золота, и драгоценных камней. Они все должны к ней стремиться и даже сражаться из-за нее, если придется. Лучше бы уж они сражались на ее стороне. Рианон дрожала от предвкушения. Еще миг и она сможет заглянуть ему в глаза, протянуть руку и коснуться острых зубьев гребня на его голове, мысленно начать разговор.

На высоте было очень холодно. Даже лучники в теплой одежде под кирасами мерзли, их пальцы натягивавшие тетиву и накладывавшие стрелы подрагивали то ли от напряжения, то ли от холода. Саму ее согревало пламя, бившееся у нее под кожей вместо крови. Ее магическая сила росла. Даже если дракон дохнет на нее огнем, она сможет собрать свою силу в невидимый щит и отразить удар. Вот только ей не хотелось обжечь самого дракона. Для него в любом случае сейчас был неблагоприятный момент. Собирался дождь. В махровых облаках наливался свинцовый оттенок. Рианон ощутила, как на лицо попали первые капли дождя.

– Я должна поговорить с тобой, пожалуйста! – она уже шептала, а не обращалась мысленно. – Всего лишь посмотри на меня!

Посмотри на меня! Так лесные феи молят путников, чтобы те обернулись на соблазнительный голос и навечно попали к ним в плен. По сути она хотела того же. Рианон рассчитывала, что признав в ней подобие своего первого полководца все адские создания станут служить ей. Со своими собственными ручными драконами она могла стать самой сильной правительницей в мире. Но как приручить их? Как заставить их хотя бы на нее посмотреть и различить в ней все то, что они давно любили и потеряли.

Если дракон уже заметил одиноко стоящую на парапете фигуру с ее золотистой головой и украденным гребнем в волосах, то чего он ждет. Это ведь его гребень. Рианон уже догадалась. Дракон прилетел сюда, чтобы вернуть украденное. Естественно вернул бы он его вместе с новой жертвой. Наверняка, по его мнению, любая девушка надевшая его украшения сама также становится его собственностью. Он мог ощущать издалека, что живое существо владеет его вещью. Он планировал схватить ее вместе с гребнем и унести с собой. Так чего же он ждет? Почему он не подхватит ее и не дохнет на замок огнем, пока у него еще хватает сил. И сможет ли он извергать струи пламени, когда начнется гроза? Рианон даже этого не знала.

Она заметила, как дракон замедлил полет. Он рассматривал ее долго и внимательно. Кроме двух сверкающих глаз в его лбу горел еще и третий, действительно напоминавший драгоценный камень. В нем как будто отражалась радуга. Закрученные дугой рога изгибались прямо над ним. Ноздри угрожающе раздулись, но огонь выдыхать дракон не спешил, хотя еще миг назад именно это и входило в его намерения – сокрушить пламенем весь замок. Рианон вдруг поняла, что может читать обрывки его мыслей. Такого ей раньше не удалось. Может это из-за гребня?

В любом случае гребень не имел бы такую власть над ним, чтобы заставить дракона парить в воздухе над башней и разглядывать юную королеву. Лучники дружно спустили стрелы, но от драконий брони они моментально отскакивали. Одна из вернувшихся назад рикошетом стрел поранила в плечо самого стрелявшего. Теперь товарищи поддерживали его, а он истекал кровью. Кто-то крикнул, что пора стрелять из пушек. Рианон надеялась, что дракон пролетит над башней до того, как канонир подожжет фитиль. Или же пушечное ядро также не причинит ему вреда?

– Мы могли бы договориться? – обратилась она к нему мысленно.

Может, ей только показалось, что увенчанная рогами голова чуть склонилась, будто отдавая ей знак уважения. Так склоняются перед госпожой.

Когтистая лапа не потянулась вперед, чтобы вынуть гребень из ее волос. Дракон разглядывал ее внимательно и почти оценивающе. А потом он вдруг развернулся и полетел прочь.

– Нет! – Рианон была в не себя от бешенства. Она даже сжала кулаки. Сейчас она бы сама с радостью дохнула ему вслед огнем, так чтобы опалить его непробиваемый мощный хвост, крылья и хребет. Но за ней наблюдали. На башне было полно лучников, оруженосцев, подносивших стрелы и канониров. Все эти люди не должны знать о том, что их королева способна дышать огнем не хуже дракона.

Рианон была в ярости. Сколько свидетелей наблюдала за тем, как дракон развернулся и улетел прочь от нее. Теперь все они знают о ее унижении. Вместо того, чтобы служить ей или хотя бы схватить ее и унести для переговоров в другое место, дракон просто бросил ее и улетел.

Было бы у нее достаточно сил, и она бы сама разорвала его по кусочкам, чтобы сделать из его чешуек броню и носить как боевой трофеей. Она знала таких полководцев, которые делали себе кубки из черепа поверженного врага. Теперь она даже их понимала. Она хотела того же. Но улетевшего дракона было уже не поймать.

И вдобавок ко всему еще столько зевак наблюдало за тем, как она терпит неудачу. Вот только ни смотрели на нее с восхищением. Еще бы, они ведь не знают, что это не ее победа, а ее поражение.

Рианон удивительно легко соскользнула с парапета, при этом стараясь не смотреть вниз. Высота ее пугала. Крыша замка стала влажной от дождевых капель. Старательно обходя лужицы, она побрела прочь в тепло и уют замковых покоев. А после ее ухода как раз началась гроза.

– Он хочет тебя увидеть, – дух шептал ей на ухо, даже не обращая внимания на то, что она не хочет его слушать. Тихий шепот сливался с треском огня в камине, и уже невозможно было отличить одно от другого.

Рианон положила голову на спинку резного кресла и следила за игрой язычков пламени в каминном зеве. Сегодня но ее не раздражало, даже, напротив, по всем венам проходил какой-то приятный ток. После того, как вымокла под дождем, она уже не чувствовала себя разгоряченной внутренним пламенем. Такое случилось с ней впервые. Неужели одна неудача заставила огонь в ней потухнуть?

Рианон даже не сразу сообразила, о чем толкует ей незримый собеседник. А когда прислушалась к нему, он уже выкладывал очередную порцию новостей.

– Ты же видела, что дракон полетел не обратно за море?

– Ну, да, – апатично кивнула она.

– За лесом есть пещеры, где еще никто не обитает, он ждет там...

– Чтобы я вернула гребень?

– Нет, чтобы ты объяснила, чего хочешь от него?

– Что? – Рианон непонимающе обернулась. Духа за спинкой своего кресла она увидеть конечно же не могла, но хотя бы лучше различала его голос.

– Он понял, что ты что-то от него хочешь. Ну, так, он исполнит любое твоё желание. Я могу ему передать.

– Ты? – она не знала чему изумляться больше: услужливости духа или тому, что дракон все же пошел ей навстречу.

– А что лучше, если первым его найдет Вивиана?

Драконоборец! Рианон усмехнулась. Ему нужна была не слева и очищенный от нечисти мир, а всего лишь непробиваемые доспехи. Рианон не верила, что у Вивиана хватит собственных сил, чтобы одному или даже с целым отрядом одолеть дракона. Вот если кто-то прибег к магии, чтобы опоить чудовище зельем лишаящим или заманить его в ловушку, тогда Вивиан с его мечом уже мог проявить себя героем. Но кто бы на такое отважился?

Рианон принялась отстукивать ногтями барабанную дробь по подлокотнику кресла. Из-под ее ногтей выскакивали искорки, слегка портившие гладкую полированную поверхность.

Она не знала, как окликнуть духа, ведь у него не было имени, поэтому лишь тихо спросила.

– Не мог бы ты ответить на один вопрос?

– Какой? – с готовностью отозвался он.

– Почему драконы теперь отворачиваются от меня? Я стала настолько некрасива, что пугаю своим видом даже их? Или дело в чем-то другом?

Он быстро усмехнулся. Его едва уловимые движения и смешок Рианон в тишине различила. Смех был как пощечина. То же самое она ощущала и когда от нее отвернулся дракон.

– Они не любят меня за то, что я бросила Мадеэля?

Впервые дух не нашелся, что ответить. Должно быть, у него отвисла челюсть или просто запас слов иссяк.

Рианон с грустью уставилась на языки пламени. Кажется, она оказалась права. При всем ее очаровании и сходстве с их поверженным главой, все-таки его они любили больше. Любили до сих пор.

Она вцепилась ногтями кресло. Каким же обаянием нужно обладать, чтобы те, кого ты вверг в ад, до сих пор тебе поклонялись.

– Я хочу стать как он, – промолвила она в пустоту.

– Ну, тогда тебе нужно научиться, как следует владеть мечом, – откликнулся обитающий в ней дух.

Рианон была полностью с ним согласна, вот только жаль, что одного этого ей будет недостаточно.

Рианон назначила встречу в лесу перед пещерами. Дух утверждал, что она ни в коем случае не должна идти туда сама, ведь куда легче послать его, но Рианон как всегда настояла на своем.

Она бы никого не могла отправить со столь важным поручением. К тому же откуда ей было знать, что дух передаст дракону именно сказанные ею слова, а не собственный приукрашенный вариант.

Договориться с кем-то она могла лишь лично. Но лес встретил ее угрюмым молчанием. На большом участке земли в чаще, где кто-то раскорчевал и повалил все деревья, никого не было.

Ну вот, место для встречи расчищено, а самого дракона нет. Рианон уже пожалела о том, что надела гребень, который должен был стать опознавательным знаком.

Она ждала до тех пор, пока не начала замечать какие-то движения за деревьями. Ей тут же вспомнились ночные искатели кладов. Что если и в этом лесу происходит нечто подобное?

Она прислушалась к тишине, чтобы уловить стуки лопат о твердую почву и обрывки разговоров. Какие-то голоса действительно вели беседу в чаще, но речь вовсе не шла о том, чтобы что-то красть или раскапывать. Рианон все же стала слушать дальше. Заняться чем-то еще в ожидании дракона она не могла. Говорившие явно не были лесничими или припозднившимися путниками. Рианон даже решила немного отойти от расчищенного для встречи места, чтобы взглянуть на них.

– Не ходи! – предупредил дух, когда она уже ступала по лишайнику. – Я сам могу подслушать, а потом пересказать тебе.

– Не нужно, – отозвалась она шепотом. – Я и так все слышу. Но мне хочется посмотреть...

Было лишним объяснять ему, что разговор ее уже заинтриговал и лишь поэтому на хочет подсмотреть за говорящими. Кто они? Это ее больше всего занимало. В такой темноте человеку было бы сложно что-то рассмотреть, но она давно уже заметила в себе особенность отлично видеть во мраке.

– Один из них Вивиан, – тот час предупредил дух. – Приехал охотиться на драконов, как ты понимаешь. У него на них нюх. Или вроде того.

– А второй? – она уже сама догадалась по хриплому тембру, но все же сочла за долг переспросить.

– Претендент на твою руку, – чуть помедлив, откликнулся дух.

Вначале Рианон его поняла. Она уже перевидала множество претендентов на свою руку. Предпоследний из них вспомнился ей как-то не сразу, может, поэтому, что у него было меньше всего шансов.

Однако голос с хрипотцой было сложно не узнать. Он будто понизился еще на несколько октав с тех пор, как она слышала его в последний раз. Раньше он был немного приятным, а скоро будет совсем басом. Князю Ротберту как будто перебили горло. Она даже усмехнулась при мысли, что один из так и не прирученных им драконов мог наступить его на шею. Князь спасся, но охрип. Такой вариант казался ей забавным. Рианон даже сумела краешком сознания заглянуть в мысли Ротберта. Он не почувствовал, что за ним шпионят. Видно весь его колдовской потенциал сейчас был направлен на нечто другое. А вот Рианон успела узнать много интересного. Например, в детстве этот маленький подлый маг, уже обнаруживший в себе зачатки зла, подкладывал прачкам в постиранное белье лягушек, а на пахарей насылал саранчу. Он подливал дамам в притирания свои зелья, чтобы вызвать гноящуюся сыпь, а оружие мужчин заколдовывал, чтобы то ломалось во время боя. Он изничтожал и своих, и чужих, ни за что не испытывая угрызений совести. А еще он выращивал у себя в колбах необычных рептилий и выпускал их в реки, колодца или канализации. Потом вредный мальчишка начинал ждать, вырастут ли его питомцы в кровожадных драконов. Иногда эти эксперименты удавались. Вот и один раз он сумел вырастить дракона прямо в колодце родного замка. В ту ночь, когда это обнаружили, во дворе стоял переполох, княжество его отца рушилось, потому что дракон требовал дани, а гадкий мальчишка смеялся в своей комнате. Вот тогда к нему и явился кто-то... Рианон не сумела разглядеть в его сознании лица, как будто этот фрагмент памяти Ротберта начисто отсутствовал. Ей только оставалось гадать: был ли это кто-то из Школы Чернокнижия или же некто еще более опасный. Больше о ночном визитере она не могла разглядеть ничего, но зато рассмотрела в голове Ротберта башню всю от цокольного этажа и потолочных балок заполненную книгами и девушку, живущую в этой башне. Там не было ничего кроме вьюнка, оплетающего стены и книг. Не было ни входов, ни выходов. Тем не менее, князь положил глаз на хозяйку башни по имени Диана. Она ему уже отказала, но для него это не имело значения.

– Вы сказали, здесь есть следующий, – сложно было не узнать приятный баритон Вивиана.

– Тебе нужно только дождаться. Я позабочусь о том, чтобы он лишился сил.

– Отлично, тогда я должен привести подмогу.

– Один ты не справишься? – Ротберт даже хмыкнул. – Сэр рыцарь против дракона. Все было бы честно. Один доблестный воин и один монстр, даже если последний слегка опоен. А ты хочешь притащить целый отряд, чтобы издеваться над издыхающей тварью.

– Но вы же сами сказали, что надо перестраховаться, – видимо, Вивиан ни чуть не смущался тем, что его обвинили в отсутствии доблести. – Кстати, если бы я не взял с собой людей на границы Менуэла, то вы бы оставили меня одного.

– Не глупи. Там и сражаться было не с кем. Всех уже одурманил насланный мной туман.

– А я то думал, что те черные твари разорили их земли. Они и на полях боя пировали. Прямо на трупах, – Вивиан поднес руку к своей туповатой юной голове. – Да, вспомнил, вы сказали, что у вас есть какое-то условие, перед тем, как вы позволите мне убить дракона.

– Точно, есть, – Ротберт довольно потер ладони, раскатывая в них какой-то светящийся комочек. – Ты оставишь мне его тушу, при чем всю. Не тронешь ни языка, ни глаз, ни пролитой крови. Ты понял?

– Но зачем? – Вивиан явно не понимал.

– Болван, мне же нужно приготовить следующее зелье.

– Однако, вы говорили, что из органов этих чудовищ можно изготавливать лишь полезные вещества и чудодейственные средства.

– А чем яд не полезное средство, если применить его к кому нужно?

– Ну... – Вивиан явно засомневался.

– Кстати, – оборвал его Ротберт. – В этот раз ты не тронешь и чешую. Мне тоже скоро понадобится броня.

Рианон обернулась назад, почуяв приближение кого-то к назначенному месту. Это мог быть только он, дракон, который должен служить ей. Она знала, что фокус Ротберта не пройдет уже тогда, когда решительным шагом направлялась к прогалине. Поваленные и вырванные с корнем из земли деревья представляли собой хаотичное зрелище. Казалось, здесь прошелся ураган, но Рианон знала, что причиной погрому живое существо. С драконом ей нужно договориться самой, а как украсть зелья Ротберта и лишиться сил его самого, они потом придумают вместе с духом.

Чтобы выкрасть колбы с его ящерицами и ингредиенты для колдовских растворов она пошлет в его княжество духа. Дракону же придется снова улететь за море и дожидаться, пока она его призовет. Это будет уже скоро, война почти началась. Гонцы с ее объявлением уже посланы, место первой битвы назначено. Дракон должен будет прилететь к ней в этот день и не позже, да и то только в том случае, если ей потребуется его помощь. Таково ее единственное желание. Когда они встретились на расчищенном в чаще островке земли, он снова склонил голову в знак почтения, будто вовсе не замечал того, как в ее волосах сверкает украденный из его сокровищ гребень.

– Ты слетаешь в его замок, – настаивала Рианон. Добиться чего-либо от духа было довольно трудно, но она требовала, просила, угрожала со сжатыми кулаками до тех пор, пока он не начал стонать.

– Я не хочу туда, – пискнул он.

– А что ты хочешь, никого не волнует.

– Может, я лучше прослежу за Вивианом.

– Он будет всю ночь сидеть в засаде в лесу. А может и несколько ночей. Следить за ним нужно будет потом, а не сейчас.

– Я бы лучше последил за драконом, который живет в пещерах недалеко от княжества Ротберта. Вот он держит князя в страхе. Он – мудрец. У него есть башня с книгами, высеченная там же в горе. Он хранит свитки ангела, называвшегося себя Мастема. Тебя это не интересует.

На чуть не выронила щетку, которой водила по волосам. Мастема! Мадеэль! Под любыми именами он был один и тот же. Лишь его характер для всех был разным.

– С его рунами, витками, летописями и многим другим я познакомилась в его собственной башне, – отрезала она. – Дракон многому меня не научит. Он лишь последователь, а не новатор. Первым восстал Мадеэль, остальные лишь последовали за ним.

– И все теперь грызут от досады когти. Вот взять, к примеру, меня...

– Твои жалобы меня не волнуют. Если хочешь оставаться рядом со мной, служи, а если не станешь безоговорочно исполнять приказы, то клянусь, я отыщу такое заклинание, чтобы изгнать тебя раз и навсегда.

На миг в комнате стало тихо. Было даже слышно, как потрескивает огонь на поленьях. Любой звук сейчас показался бы громким.

– Ну, ладно, – дух согласился неохотно и таким траурным тоном, будто она послала его собственную казнь.

Рианон не собиралась его жалеть.

– Пока ты осмотришь замок и утащить оттуда все, что имеет ценность, я потолкую с тем самым драконом, о котором ты мне рассказал.

– С ним тебе будет легче, – дух сразу приободрился. – Его действительно можно назвать ученым. Во всяком случае, он сохранил куда больший фрагмент памяти, чем все остальные. Вернее, он почти ничего не забыл. Ну, ты меня понимаешь?

Она кивнула. Вид ангелов, сохранивших воспоминания о былом величии лишь во снах, ее угнетал. По ее мнению они и сейчас были великолепны, похожие в своем драконьем панцире на живое содержимое ларца с драгоценностями. Но ведь раньше они были другими, действительно прекрасными, мудрыми и обольстительными. Теперь смотря на собственное отражение, они могли ощутить лишь боль. Поэтому они предпочитали разглядывать драгоценности и золото, как напоминание о бывшем блеске.

Значит, те драконы, которые сохранили еще и свой прежний разум, еще собирали и книги. Мадеэль говорил, что величайшим наказанием большинства из них является потеря рассудка. Тяжелее всех тем, кто потерял память полностью или частично, потому что сознание пытается вернуться к чему-то прежнему, но натывается на стену безвременья. Очень мучительно знать, что должен вспомнить что-то, что ускользает. Зато отсюда на земле появились творцы поэзии, музыки и стихов. Их частичная память изливается лишь как фантазия, а их путь лежит к Собору Грома и ритуальному ножу. При мысли о кровавом жертвоприношении Рианон содрогнулась. Те отщепенцы из армии Мадеэля, которые в наказание обречены были ощущать себя простыми людьми, приносят в жертву свое смертное тело, чтобы обрести потерянные крылья. Но они хотя бы могут это сделать, став прежними, хоть и чрезвычайно обремененными, а волшебным существам такой путь заказан. Он лишь для тех, кто страдал больше всего. Рианон представила, каким раздавленным чувствует себя ангел, сохранивший обрывочные воспоминания о блеске, но вынужденный считать себя простым смертным. Люди не принимают его, небеса отвергают, ад ставит перед ним выбор. И тут появляется Собор грома и кровавый путь в него. Иногда ей снилось, что она идет по этому пути, устланному розами. Ее ступни уже в ранах и в крови от их шипов, а конца пути все нет. Мадеэль говорил, что этот путь появляется лишь в период затмения солнца, когда один из избранных готов на него встать. Никто из людей по этому пути никогда не пройдет, лишь тот, кто принадлежал к его войску. Рианон к нему не принадлежала. Вспоров себе кишки во время ритуала, она могла всего лишь умереть. Или то, что она переспала с падшим ангелом, равняло ее с его воинством?

У нее было много сложных вопросов. Возможно, мудрый дракон мог ответить на них все. Разумеется, только в том случае, если он сохранил весь свой прежний разум, а не лишь его остатки.

Хотя если он собирает свитки, хранящие в себе символы и тайны ангелов, то Рианон смогла бы сама их прочесть. Она понимала их язык, значит, и таинственные письма будут ей также понятны. Она знала, что главное не утруждать себя, стараясь что-то прочесть или разобрать, если ее сил на это уже хватает и она достаточно приблизилась к запретному, то тайны сами раскроются перед ней. Так она впервые поняла волшебные символы, всего лишь взглянув на них. Так она стала разбирать язык зверей и птиц. Так она научилась читать мысли.

И это были еще не все ее способности. Она стала более зоркой, чем драконы. Могла ощущать издали присутствие сверхъестественных существ. А слышала она все за мили вокруг. Все до мельчайших звуков. Иногда ей казалось, что не какофония голосов, а целая паутина оплетает мир, и в этой паутинке она могла выделить любые звуки.

Таким образом она узнала, что дракон не спит, еще до того, как приблизилась к его пещере. Точнее пещерой это было назвать сложно. Издали великолепная башня со множеством лестниц и ветвистых переходов могла сойти за настоящую постройку и только вблизи становилось заметно, что она высечена целиком из горы. Когда-то это был горный массив,

теперь он принял очертания бастиона. Все сошло бы за шутки фей, если бы в далеких окнах не горел свет.

По мере приближений стала заметна еще одна странность. В башне не было ни ворот, ни дверей, одни лишь арочные окна, непропорционально огромные и лишенные стекол или каких-либо видимых преград. Они будто манили птиц влететь внутрь.

Рианон летать не умела. Этой единственной способностью Мадеэль ее так и не наделил. Зато у нее был ее пегас. Он легко мог поднести ее к одному из огромных окон. Правда, на этот раз он долго не решался. Она успокоила его тихим шепотом пояснив, что с ней все будет в порядке. На всякий случай он должен будет держаться недалеко от одного из окон, чтобы выручить ее. За последнее время они много путешествовали вместе и очень сблизилась. Рианон легко читала его мысли, потому что он сам ей позволял. Так она узнала, что раньше, то есть когда он еще был эльфом, его звали Норей, и было время, когда он обращался за советом к этому самому мудрому дракону, под башней которого они теперь находились. К нему обращались за советом или помощью все представители волшебной расы, которые не помнили чего-то сами. Фея в слезах выскользнувшая из одного окна, похоже, не была исключением и видимо дракон отказал ей в помощи или подсказал нечто такое, что очень ее расстроило. Рианон проводила взглядом фигуру в зеленоватом наряде парящую в вышине. Она кого-то сильно напоминала. Островерхий колпак с вуалью на рыжих кудрях Рианон видела и раньше, но как звали фею, которая его носила. Совершенно точно она была не из фей, познакомившихся с Рианон на балу. Тогда кто она? Немного похожа на прях, но ведь они совсем крохи, а она высокая и статная. Рианон следила за фигурой, пока та не исчезла в темноте. Прозрачные крылышки трепыхавшиеся за ее спиной так напоминали стрекозиные.

– Ну, чего мы ждем? – спросила она Норей. Его долгом было поднести Рианон к окну, желательно не к тому, за которым сейчас наблюдал дракон. Рианон на расстоянии успела узнать, что он недавно вернулся с охоты. От его логова все еще пахло кровью, а от его когтей жаром. Он умел заставлять загораться свечи с помощью магии, а не огня. Воск в них никогда не таял, но света хватало, чтобы озарять библиотеку. Честно говоря, свет в ней являлся роскошью, а не необходимостью, ведь дракон мог читать и в полной темноте. Самой Рианон теперь вполне хватало далекого лунного сияния, чтобы различать строки в книге, в темноте же на отлично видела предметы. Интересно, какими способностями надо обладать, чтобы различать буквы в кромешном мраке, если только эти буквы не огненные. До ее сверхострого слуха доносился тихий шелест страниц, шум драконьих вдохов, скрежет когтей. Он не доставал книги с полок, они сами в нужный момент оказывались перед ним, принесенные магией, и писать он сам не писал, перо само выводило на пергаменте странные символы. Вот только не чернилами, а кровью. Кровь все-таки была ему нужна. Поэтому он раз в неделю выходил охотиться. Рианон сочувствовала его жертвам. Чаще всего он сильно калечил их, прежде чем убить, но ангельские знания, занесенные в свитки, требовали их крови.

Оказавшись в башне, она сперва ощущала себя неуверенно. Здесь все было довольно красиво обставлено. Видимо, дракон не утратил любви к роскоши. Только иногда на мягких коврах виднелись жженные следы, а на черном дереве стеллажей отпечатались когти.

Мог ли он принимать человеческий облик? Если да, то ей будет удобнее договориться с ним. Сумей он недолго стать галантным кавалером и им будет, о чем потолковать.

Рианон застала его за изучением свитков. Она долго наблюдала за тем, как красивая изумрудная чешуя поблескивает в свете свечей. Казалось, что на ней живут сами по себе мириады светящихся искорок.

– Я хочу... – она выступила из тени, лишь, когда он заметил ее. Язык ее почти не слушался и все же она вслух, а не мысленно старалась объяснить свое появление здесь. Однако он не слушал. Мудрые светящиеся глаза оказались такими пронизательными. Лишь секунду он внимательно разглядывал ее, а потом его когтистая лапа поднялась и поманила ее вперед.

Движения когтей были такими уверенными и грациозными, будто это были тонкие ангельские пальцы, а не уродливые лапища. Рианон и показалось на миг, что она видит прекрасное белокурое существо, а не искрящееся как драгоценный камень чудовище. Оно манило ее в мир запретных знаний, и Рианон готова была в него вступить.

Когда дух наконец-то справился с заданием, она уже сидела у себя в спальне, опьяненная полученными знаниями. Дракон-мудрец без колебаний согласился ей помочь, потому что заранее знал, сила на ее стороне. Он мог предвидеть будущее или ум помогал ему изречь пророчества. Ей было не важно, главное он на ее стороне. Иногда Рианон видела на его месте прекрасного молодого человека склонившегося над книгами. Видение обычно длилось всего миг. Людям оно показалось бы странным. Богато одетый и красивый юноша не мог так сильно увлекаться древними свитками, а тем более писать их чужой кровью. Естественно здесь не обошлось без колдовства.

Уже перебирая украденные у Ротберта колдовские зелья, она все вспоминала свое общение с драконом. Ей понравилось бывать у него в башне. Возможно, она будет навещать его часто, особенно если учесть, что он не против.

– Ты не слишком то проворен, – пожурила она духа. В ответ на это он лишь обиженно хмыкнул.

– Ты ведь могла сделать все и сама.

– Я была занята в другом месте, как знаешь. Ты все сумел забрать? – ей показалось, что бутылочек, баночек и склянок не слишком уж много. Теперь придется уничтожить все это. Как использовать все это в своих целях она не могло догадаться. Разве только с помощью магии удастся определить, что в каком пузырьке находится.

– Ты сможешь определить по запаху, – посоветовал дух.

– А здесь что? – Рианон увлеченно разглядывала колбы, внутри, которых что-то трепыхалось.

– А это лучше уничтожить прямо сейчас, если только не хочешь, чтобы все они расползлись по замку. Предупреждаю, однажды, они смогут разбить стекло. Смотри, они уже набираются сил.

Рианон разглядывала колбу, которая первой попала ей в руки. Похоже, дух был прав. Что-то зеленое и крупное с выпученными глазами било когтями по стеклу. Скоро в колбе ему станет тесно. Рианон, не выдержав отвращения, швырнуло стекляшку в камин. Бросок был метким. Зеленая тварь из разбившейся колбы попала прямо в пламя и что самое удивительное в огне она начала расти.

– Скорее, придвинь экран! – потребовала она от духа. Кряхтя и жалуясь, он поспешил выполнять поручения.

– Зря ты так, госпожа, их же всех легко освободить.

– Я видела, как Ротберт выпускает их в сточные воды. Он делал это еще в детстве?

– Злодей с малых лет злодей, – поддакнул дух. – Люди в отличие от нас как будто никогда и не были невинны.

– Вы тоже не были. Только он был, – Рианон вспомнила Мадеэля. Один из принесенных духом ларцов, ярко-золотой, был так похож на осколок его лат. Она откинула крышку, рискуя выпустить наружу нечто ужасное, но как ни странно запертое существо оказалось милым. Рианон поманила его, и оно выпрыгнуло на стол, грациозно расправив тонкие крылья.

– Похож на крошечного дракона, – заметила она, разглядывая светло-золотистую шкуру и узорчатый хвост. Выражение мордочки показалось ей немного коварным, но все равно он был миленьким. – Выглядит как игрушка, сделанная из золота. Миленький, – она уже играла с ним.

– А этот настоящий, – прокомментировал дух. – Но все равно опасно держать его рядом, он скоро может заметно увеличиться в размерах.

– Все равно, этого я оставлю себе, – Рианон смотрела как ее новый питомец сел на раскрытую книгу только, что позаимствованную из башни дракона и стал рассматривать нарисованные там символы. Аромат невянувшей розы тоже привлек его, и он подтащил ее к себе лапой.

– Надеюсь, гарпия его не загрызет, – вздохнула Рианон, в ответ на что дух опять недовольно хмыкнул.

– А что делать с этими? – спросил он про колбы.

– Отнеси их в какое-нибудь ущелье, скинь в пропасть, брось в водоворот, в общем, придумай, как их уничтожить. Должен же ты хоть раз думать своей головой.

Проскрежетав что-то невразумительное, дух послушался. Раз колбы исчезли, значит, он понес их сбрасывать в пропасть или куда-либо еще. Главное не в какой-нибудь водный канал, где они смогут спокойно вырасти. Рианон не успела предупредить его об этом, и теперь осталось лишь уповать на его догадливость.

Она отвлекалась тем, что играла со своим новым питомцем. Размером он был не больше котенка, но такой красивый. Она и представить себе не могла, что дракон может быть миниатюрным и таким красивым. Его будто отлили из чистого золота и оживили с помощью волшебства. Глаза сверкали, будто два аквамарина. Узорчатые крылышки подрагивали. Когти тоже были золотыми. А шкура отражала лунный свет. Не чудовище, а игрушка. Драгоценность, которую Ротберт запер в ларце. Она была рада, что его украла и отпустила.

– Ты бесценен, малыш, – прошептала она, отдавая ему ленту из своих волос, чтобы он играл. Несмотря на размер он, однако, оказался удивительно умным. Вместо того, чтобы разыгрывать из себя глупого беспомощного котенка, бегающего за лентой, он принялся изучать книгу и собирать сверкающие предметы со стола, чтобы сложить собственную маленькую сокровищницу. Его ведь тоже манят драгоценные камни. Так пусть оставит все, что нашел себе.

– Интересно, а у тебя родиться нечто подобное? – беззаботно спросил только что вернувшийся дух. И как он только успел справиться с заданием так быстро. Рианон вздрогнула от неожиданности.

– Надеюсь, ты отнес их далеко от замка, а не сбросил прямо в ров? – поддела она.

– Они на дне пропасти далеко отсюда, миледи. А с золотой игрушкой вы не намерены также расстаться?

– Его не трогай, – встала на защиту питомца Рианон.

– Скажите это местным драконоборцам, – фыркнул собеседник. – Сэру Вивиану, например.

– Не волнуйся в мои покои он не войдет.

– А вот дракончик может выскользнуть из них.

– Я буду за ним следить, – пообещала Рианон.

– Это сложно. Он непоседлив. Что если кто-то его увидит?

Рианон уже хотела сказать, что если у нее и будет любовник, то ангел, а не человек, однако вспомнила о Фердинанде. Хотя о нем беспокоиться следовало меньше всего, он примет ее нового питомца, как и гарпию, за очаровательную заморскую зверушку, недавно привезенную купцами из дальних стран. В общем, он всему сможет найти разумное объяснение.

– Ты бы хотела родить такого же? – зловещий шепот духа над ее ухом обдал холодом.

– Отстань, – велела она.

– Но ведь это может быть уже так скоро, – не унимался он. – Ты родишь дракона, прелестного и целиком золотого. Золото – цвет его отца. Едва он появится на свет, как пробьют часы Мадеэля, и он обо всем узнает.

– Не смей произносить его имени. Тебе ведь нельзя.

– Знаю, – огрызнулся он. – Но ради тебя я уже нарушил все возможные запреты. Теперь больше уже просто нечего.

– Ради меня? – она изумилась. – Кто я тебе такая, что ты ради меня должен что-то делать. Ты даже не видел меня до того, как я пришла в Винор. Ты сидел здесь в одиночестве и ждал кого-то, к кому можно будет прицепиться, а подвернулась только я. Вот и все.

– Ты недалековидна.

– А из тебя вышел плохой подлиза. Ты не убедишь меня в том, что был влюблен в меня задолго до того, как увидел.

– Учитывая то, на кого ты похожа, никто из нас не может в тебя не влюбиться. Такую, как ты, видно издали. И смотреть на тебя больно, если хочешь знать. Больно быть далеко от тебя, а рядом ты быть не позволяешь.

– Я думаю это все из-за ребенка, – постаралась утешить его она. – если он и впрямь сын своего отца, то он ваш будущий повелитель. Вы видите его во мне, и срабатывает ваш инстинкт служить. Вы принимаете это за любовь ко мне, но едва Эдвин родится, все будет иначе.

Эдвин! Она впервые произнесла его имя. Рианон уже пообещала духам, что назовет его так. Что такого магического есть в этом имени? И почему она думает, что не произведет на свет чудовище. Ведь незримый собеседник уже сообщил ей, что она родит дракона. Зачем же тогда нужно особое имя, чтобы сделать его недостижимым для отца. Все драконы в любом случае подчиняются Мадеэлю. И все же Рианон показалось, что сейчас назвав его вслух она всколыхнула нечто непредвиденное. Она будто нарочно обмолвилась, чтобы сообщить его бессмертному отцу о том, что Эдвин существует. Мадеэль имеет права знать, что у него скоро будет сын. Однако он этого не знает. Возможно, даже не догадывается. Имя, как заклинание, должно быть, скрывает от него истину. Если только духи не солгали ей. Но ведь он же не прилетел сюда в гневе требовать свое дитя назад, значит, не солгали. Хотя все еще может быть. Он может приняться отстаивать свои права на ребенка и тогда действительно будет войне. Точнее война ничего не изменит, поединок должен быть только между ней и ним. Рианон к этому готовилась. Сын Мадеэля станет принцем земного королевства, никто никогда не узнает правды. Если только она и в самом деле не родит дракона. Чудовище уже не выдашь за дитя Фердинанда. А мальчик даже красивый как ангел вполне может сойти за брата Флориана и Клода. Им ведь нужен младший брат. Возможно, в будущем какая-нибудь болезнь унесет жизни старших принцев и Эдвин станет королем. Рианон с преувеличенным вниманием разглядывала собственные ногти. Это было нечестно, но ведь Сетий был в замке. Мог же он занести сюда флюиды той самой жуткой заразы, которая блуждает под башней Мадеэля. А если не занес сейчас, то занесет потом, она может его об этом попросить, если он сам не догадается. Все они проклятые и прекрасные сами заинтересованы в том, чтобы сын их господина во всем был первым.

Рианон следила за миниатюрным драконом на своем столе. Он расположился на страницах раскрытой книги, и благоухающая роза теперь лежала рядом с ним, а еще несколько драгоценных украшений, которые он внимательно разглядывал. Видно, ему было тесно и неудобно в ларце, где его заперли, потому что сейчас, освободившись, он болезненно морщился и разминал затекшие когти.

Он был очень красивым. Рианон любовалась им, как редкостной драгоценностью. О таком подарке она и не мечтала. Хорошо, если вопреки предостережением духа он не вырастет, а так и останется миниатюрным, как дорогая игрушка. Тогда можно будет баловать его, дарить ему украшения и укладывать спать на бархатной подушке. Ей хотелось иметь такого питомца, а он, несмотря на всю свою сноровку, и хваленое проворство не спешил убежать от нее.

Рианон достала брошь из шкатулки и протянула ему, на что дракончик очень бурно и радостно прореагировал. Выходит, стоит поверить словам духа, он и впрямь настоящий,

иначе не любил бы так драгоценности. Рианон успела заметить, что его не интересует что попало, а лишь чистейшие многогранные камни и безделушки из золота.

– Значит, прежний хозяин все еще имеет над тобой власть, – она бережно погладила кончиками пальцев его золотистую покрытую гребнем головку с острыми ушами. Дракончик явно ее не понял, однако его когти заворожено скользили по золоту, так напомиравшему о Деннице, почти забытом, но все еще неосознанно и горячо любимым. К самой Рианон он тоже тянулся так, будто знал ее давно. Она даже посмеялась над предостережениями незримого собеседника.

– Что ж, мой маленький, если верить ему, то вскоре у тебя появиться брат во всем похожий на тебя, – она гладила золотую головку, оказавшуюся приятной и теплой и весело смеялась. – Тогда вам не только придется разделить между собой содержимое моих шкатулок. Вы еще приметесь драться из-за короны Фердинанда.

Она подумала, что дракончик и сейчас был не против стащить сверкающий венец с ее головы. Она бы одолжила корону ему на время. Ей было даже любопытно взглянуть, как при своем крошечном размере, он умудрится ее примерить. Внезапно и надолго замолчавший дух, видимо, не одобрял ее шуток. Рианон было все равно. Пусть отмалчивается, если он чем-то недоволен или ревнует, то это его проблема. Она следила за тем, как дракончик жадно собирает драгоценности со стола, и смеялась. Точно так же она собиралась отнимать сокровища у своих врагов.

Больше чем месть

Небесные распри. Оглушительный шум крыльев, бьющих друг о друга. Царапанье когтей о тонкую ангельскую кожу. Крики и обвинения, похожие на птичий гогот. Ослепительный блеск мечей. Он уже почти ослеп однажды, когда взглянул на Денницу. Он осмелился занести на него меч, и теперь его рука отсыхала, а в ней копошились черви. Но беспощадный и прекрасный ангел все еще продолжал манить его сквозь сон.

Бертран проснулся в холодном поту. Он был все еще жив, и в этом было его главное несчастье. Лучше было давно умереть. Тогда на поле боя он еще не понимал, что его счастье это подставить грудь под удар, а не отразить его.

До сих пор в темноте своей спальни он видел поле боя, озаренное неестественно ярким светом. То был и не рассвет, и не закат. Свет вообще исходил не от солнца, хотя в тот миг казалось, что огненный солнечный шар стал неестественно близок к земле. На самом деле солнце скрылось за тучами, его не было на небосклоне. Зато с головы неизвестного воина на миг упал шлем, и сияние стало нестерпимым, настолько, что было больно глазам. Даже слезы засочившиеся из его глазниц в этот миг могли стать огненными. Бертран все еще ощущал жжение в глазных яблоках. Видеть он стал намного хуже, чем прежде, но не это пугало больше всего. Казалось, он утрачивает рассудок, медленно и мучительно. Чем дольше он жил, тем яснее картинка жестокой заоблачной бойни наслаивалась на действительность. И с каждым разом она становилась все более ужасающей.

Он велел слугам оставлять возле кровати миску с холодной водой и мокрое полотенце, но даже лед не смог бы снять с него жар. Отсохшая рука пылала, будто ее поместили в печь и поджаривали на раскаленных углях. Лекарь, тщетно пытавшийся скрыть собственный испуг, плотно ее забинтовал, но уродливые наросты пробивались даже сквозь бинты. Кажется, они болели и жили сами по себе, а еще в них копошились черви, настолько отвратительные, какие не было даже в могильной земле. Может это вовсе и не черви. Бертран чуть не закричал, когда вдруг заметил, что какое-то гадкое похожее на крупную крысу существо подобралось к забинтованной культе и старается перегрызть наросты.

Раньше он опасался разбудить своими криками слуг, дежуривших за закрытыми дверями. Ему не хотелось, чтобы вассалы или крестьяне знали о том, что случилось с их феодалом. По близлежащим деревням и так уже поползли слухи. Когда чернь говорит о дьяволе стоит даже опасаться нападения на замок. К тому же лекарь как бы хорошо ему не заплатили, наверняка, рассказал кому-то о том ужасе, который увидел. А те в свою очередь передали другим. Еще день – два и не миновать бунта. Но куда страшнее были сны. Существо, которое светиться под латами само по себе и манит его к обрыву, через поле, где идет резня, стало чем-то тайным, сокровенным и невыразимо жестоким. О нем никому нельзя было говорить, язык бы не послушался, его страшно было видеть во снах, но и не увидеть было тоже страшно.

Сохнущая рука, на которой пробивались живые шиповидные наросты, реагировала на мысли о Деннице вспышками незатихающей боли. Бертран уже не мог шевелить этой рукой, ее будто не было вообще, но высохшее пепельное существо, в которое она превратилась, казалось, жило теперь само по себе. Оно паразитировало на ослабленном теле, угрожая сожрать его, как грибок.

Бертран был слишком слаб, чтобы зажечь свечу или дотянуться до кинжала. Он даже не мог рассмотреть в темноте, что за гадкая тварь подобралась к его руке. И сил, чтобы отогнать ее у него тоже не было. Он пытался разглядеть странную крупную крысу и не мог, но свеча у изголовья его кровати вдруг вспыхнула сама по себе, выхватив из темноты мелкий переплет окна, бурую медвежью шкуру на полу, резное кресло и жуткого рогатого бесенка, перегрызающего его бинты.

Крик застрял у него в горле. Подобные существа ему лишь снились, но в жизни он прежде ничего подобного не видел и даже не подозревал, что такая мерзость существует. В его снах такие твари поедали трупы на поле боя. Уж не сон ли и это? Нет, острые похожие на иголки зубы вонзились в нарост на его руке и боль, пронзившая раскаленной стрелой все тело, оказалась вполне реальной. Значит не сон. Кровожадное существо усмехнулось, кривоватые рожки на его голове дернулись, черная пепельная кожа на бесформенном теле с хвостом и когтями в свете свечи отливала чем-то зеленоватым.

– Лепрехун! Всего лишь! – произнес вдруг четко красивый и звонкий голос. Он напоминал эхо небесных сфер и заоблачных мелодий, только в нем наряду с равнодушием звучало и нечто жестокое. В следующий миг Бертран увидел, как блеснуло острое зеркально отражающее лезвие. Он приготовился к худшему. Сейчас меч полоснет по его шее, и изящная рука, сжимающая золотую рукоять в меча в следующий миг будет сжимать уже его отрубленную голову. Он прикрыл глаза в ожидании расправы, но удара не последовало. Лезвие плавно опустилось вниз, и раздавшийся вдруг гадкий пронзительный писк отдался в болью в его ушных перепонках.

Когда Бертран раскрыл глаза, мерзкое существо недавно обгладывавшее его руку, уже в предсмертных судорогах извивалось на кончики великолепного меча. Зеленое личико болезненно корчилось, но лепрехун не умирал. Сколько же будет длиться его агония? Всю вечность? Бертран невольно содрогнулся от ужаса и отвращения, а существо подцепленное мечом все еще продолжало корчиться и извиваться, но с меча ему было не соскочить.

– Они бессмертны, эти твари, как видите, – равнодушно пояснил все тот же прекрасный голос. При всей его мелодичности, он казался удивительно жестоким. Такому хладнокровию стоит позавидовать. Рука, сжимавшая меч с извивавшейся на нем тварью, даже не дрогнула.

– Вам стоит привыкнуть к тому, что они стали подбираться так близко. Людское счастье в том, что они все этого не видят. Но стоит рассмотреть однажды и потом замечаешь подобных тварей уже везде. Это сводит с ума, правда?

Вопрос мог показаться участливым, но тон, каким это произносилось, начисто отметал все представления о сочувствии. Холодный, расчетливый голос, знающий и равнодушно объясняющий суть всех людских страданий мог принадлежать только ангелу.

Бертран не сразу решился посмотреть на ночного гостя. Вначале он наблюдал лишь за звездными сферами за приоткрывшимся окном, не смея перевести взгляд на фигуру перед своей постелью. Изящная рука, сжимавшая золоченую рукоятку, вполне могла быть женской, но разве не всех ангелов отличает девичья красота.

Минуту Бертран ловил тонкий аромат лилий, следовавший за фигурой. Станным образом он смешивался с запахами гари и огня, но все равно был божественным и опьяняющим, как и голос. Он звучал так жестоко, но казался таким всезнающим и красивым. Этим и берут ангелы, при всей своей холодности, они прекрасны. Они никого не жалеют, но их хочется молить о снисхождении. Они сравнимы разве только со звездами, далекими, не согревающими и все равно манящими.

– Изменения, происходящие с вами, будут все больше привлекать лепрехунов и подобных им тварей, хотя ваш час еще не пробил. Однако к этому уже близиться. В моем списке вы первый, потому что не встали на мою сторону, когда разразились дворцовые споры, а ведь могли.

Только теперь он перевел взгляд на говорящего. Рука, сжимавшая меч, была теперь отведена чуть в сторону, и можно было рассмотреть невероятной красоты лицо в ореоле спутанных золотистых кудрей. Прозрачная кожа отсвечивала лунным мерцанием. Золотистые ресницы касались щек, полу прикрытые веки не дрожали, а губы презрительно кривились. Как бы ему хотелось поцеловать эти губы, пусть даже на смертном одре. Он бы все за это отдал. Лишь бы только они приветливо улыбнулись ему, но жестокое выражение, игравшее на лице, обдавало

обжигающим холодом. Ницье презрение не способно унижить и обжечь человека так, как презрение ангела. Высшее существо всего лишь смотрит, но как будто заглядывает внутрь тебя, видя все низменные инстинкты скрытые внутри, и ты ощущаешь себя раздавленным.

Бертран мучительно застонал. Иссохшаяся рука начала вдруг нестерпимо болеть, будто ее резали и пытали, как отдельное живое существо.

– Вы меня помните? – спокойный голос, спрашивавший о чем-то, был выше его понижения. Да, конечно он помнил. Поле боя, кровавая резня, люди дерутся и расчлениют друг друга прямо у него на пути, он рискует, что его заденут цепом или топором, лишат руки, ноги или головы или вовсе убьют, а ему все равно. Раздробленные кости, отрубленные конечности и непрерывно взмахивающие в опасной близости от него мечи уже не имеют значения. Он продирается сквозь мешанину дерущихся и трупов, не опасаясь быть убитым, потому что в конце поля у обрыва его ждет рыцарь без шлема. Воин с крыльями протягивает вперед частично затянутую в латы руку и за ним не страшно пойти даже в ад. Кожа на его лице такая прозрачная, что ее можно принять за гладь облака, лишь дуги ресниц и бровей выделяются ярким золотом на бледном светящемся фоне. Кудри тоже золотые. Из-под бледных губ вот-вот засочиться выпитая им, но так и не принятая ему внутренними органами кровь. Бертран видел в своих снах, как это существо пьет кровь поверженных им воинов, еще живым или уже убитых, а потом его рвет, потому что в отличии от его подданных пища ему не нужна. Не смотря на это, ангел стал так же кровожаден, как и его слуги. Его слуги! Бертран в ужасе перевел взгляд на судорожно дергающегося на кончике мече лепрехуна. Он давился изо все сил, пытаясь слезть с лезвия, но не мог не вырваться из плена, ни испустить последний вздох.

– Зло вечно, как и создавший его бог, – проговорил спокойный ангельский голос. – Вы удивляетесь, что божественному существу могут служить адские твари. Но разве этот мир не представляет собой мешанину возвышенного и порочного. Если бы что-то должно было быть иначе, то так бы и было от сотворения земли, при чем не только внизу, но и на небесах. Все устроено не так, как нам хотелось бы, все живое должно страдать, при чем избранные высших сил намучались куда больше, чем низменные предатели вроде вас. Но в свой час все становиться на свои места, потому что одна истина остается непреложной. Сознаете какая?

Он нашел в себе силы, чтобы отрицательно покачать головой. Прекрасное лицо Денницы вынуждало его к этому. Почему оно кажется ему настолько женским, как и девичий голос и осанка? Денница ли это? Или кто-то, кто похож на него?

Золотистые волосы не рассыпались веером по плечам, покрытым латами, а плавно скользили вниз за спину, плечи даже под накидкой казались слишком узкими, ниже груди лазорево светилась ткань напоминающая парчу. Все это о чем ему говорило. Но о чем? Вернее о ком? Кого-то он уже забыл, хотя должен был помнить, и теперь ангел ему напоминал.

Была ведь еще принцесса, которой он приносил присягу. Он так и не сдержал обещание ей служить. Бертран беспомощно поднес руки к лицу. Как он мог забыть. Рианон! Он никогда не имел возможности рассмотреть ее близко, но знал, что она похожа на того божественного воина. Даже очень похожа. Они будто одно.

Меж тем беспощадный голос мелодично продолжил:

– Всего лишь один раз троньте ангела, правители мира сего, и вы станете прахом еще раньше, чем обиженный вами займет ваш престол.

Теперь он узнал ее. Девичий голос был таким холодным и мстительным. Рианон склонялась над ним, забыв про извивающегося на ее мече лепрехуна, и еще никогда она не казалась ему такой ослепительно красивой. Ее красота уже сама по себе было худшей мстостью. Она убивала одним своим видом. Живой человек не может быть так обжигающе красив. Значит ли это, что она уже мертва? Или вернее бессмертна? В ее обличье с ним говорит неумолимое, бесчувственное существо, которое принято называть ангелом.

– Создатель жестоко испытывает своих любимцем, но стоит вам по его же наущению, обидеть одного из них, и страданиям вашим не будет конца. Должно быть вы это уже на себе ощущаете, – она взяла свечу, вернее всего лишь протянула руку и подсвечник уже оказался в ее пальцах, будто сам по ее повелению плавно перелетел через кровать. Рианон наклонила его так, чтобы горячий воск потек на забинтованную культю.

Бертран заорал от боли так, что мог бы переполошиться не только весь замок, но и деревни под ним. Однако никто не пришел.

– У них сейчас много других забот, – Рианон быстро глянула в окно. – А мне пора улетать, но мою печать на вас они должны увидеть.

Она вытащила кольцо с печаткой, то самое, которое он уже однажды присягая видел на пальце ее отца. Увидев такую печать у него все бы поняли, что он поддерживает Рианон, а не Манфреда. Ему уже было все равно. Он даже не слышал криков и шума за окнами. А там в темноте кажется пылали десятки факелов.

– Крестьяне недовольны, – слегка нахмурившись заметила Рианон. – Так и должно было быть, при чем уже давно, а не сейчас. Лично я считаю, что со своими страшными карами, небо слишком уж долго терпит.

Она выпрямилась, поставив свечу назад, так же как и взяла, а то есть абсолютно непрослеживаемым образом. В ее присутствие вещи будто двигались сами, открывались окна, исчезали и проливались кувшины с водой, разгоралось пламя в не растопленном камине.

Бертран слишком остро реагировал на жар, чтобы разжигать огонь, теперь огня в его спальне стало даже слишком много. Как только это огромное облако пламени могло уместиться в одном каминном зеве. Казалось там бушует целая стихия.

– Мне пора! – теперь Рианон смотрела уже только на лепрехуна, поддетого мечом, будто Бертраана и не было вообще или скоро не станет. – За вами будут другие. Все кто обделил меня хоть в чем-то заплатят так, как ваше скудное человеческое воображение не способно и представить.

Она улыбнулась, равнодушно, презрительно, зловеще... так, что по одной этой улыбке он мог убедиться, она не лжет и не в коем случае не преувеличивает, даже напротив, преуменьшает. Ее торжество еще впереди, и оно состоится на крови и костях.

Слов прощания произнесено не было, вместо них Рианон всего лишь плавно наклонила меч, позволяя лепрехуну соскользнуть вниз на постель. После ее ухода он недолго разглядывал затягивавшуюся бескровную дыру в животе. Недоумение при идее раны на его зубастом зеленом лице почти сразу же сменилось голодным оскалом. Пораненный он стал еще кровожаднее чем до этого. Бертран понял только сейчас, каким наивным он был, полагая, что ангельское создание, хочет преуменьшить ему мучения. Напротив, выждав всего минуту, оно их увеличило. Освобожденный лепрехун накинута на добычу еще яростнее чем мог бы этого. Беспомощная культя оказалась полностью во власти жадного ротика полного не зубов, а иголок. После ухода Рианон Бертран чувствовал себя слишком раздавленным, чтобы вообще мыслить, а не двигаться. Теперь он стал еще более легкой добычей, чем до этого, чем тварь и не преминула воспользоваться. Возможно, замок, слуги и рыцари в котором трепещут перед дьявольским недугом своего господина, станет еще более легкой добычей для бунтующих крестьян. Им не потребуются ни ножи, ни вилы, ни даже дерево срубленное и обтесанное под таран. Челядь здесь в таком переполохе, что сама откроет им ворота. А ворвавшись в спальню хозяйина, они поймут, что они не ошибались в своих догадках.

Рианон рассматривала обнаженный меч в своих руках. Наверное, ее глаза блеснули еще более зловеще, чем смертоносное лезвие, потому что желавший переступить порог Фердинанд так на это и не решился.

Ей и не нужно было, чтобы он входил. Все новости, которые он хочет ей сообщить, она знала и так. Мало того, что она легко читала его мысли, звуки из закрытого зала совета доносились до ее слуха, как если бы голоса, говорившие там, общались непосредственно к ней. Она знала, что быть войне. Все решено. Вернее почти все. Ей бы теперь всего было мало.

– Я поеду с тобой на первую битву, – обратилась она к наконец-то решившему войти в зал Фердинанду.

– Но... – на секунду он опешил. Меч в его руке даже его напугал. И правильно. Гном оказался прав. Лезвие каждый миг молило о крови. Не просто молило, а требовало. Ее рука оказалась достаточно сильной, чтобы его сдержать. Пока. Жаль, что однажды попробовав крови, оно уже не сможет остановиться. Оно хотело и сейчас. А Фердинанд был совсем рядом, такой соблазнительный, такой близкий, такой живой... он может стать мертвым через миг.

Рианон отошла от него на несколько шагов. Длинный лазурный шлейф волочился за ней по полу, стесняя движения и все же она ощущала себя готовой сражаться. Меч жаждущий крови рвался бы в бой сам, сметая всех кто есть, на ее пути, и своих и чужих. Ей нужно было всего лишь контролировать его, направляя на врагов, а не на сторонников. Жаль, что сейчас выбора не было. Кроме Фердинанда в зале не присутствовало других людей. А кровь пролить нужно было сейчас. Меч требовал. Она удерживала его с трудом.

– Ты не можешь отправиться на поле боя со мной. Ты же не рыцарь, – впервые Фердинанд принялся отговаривать ее от чего-то. Он испугался. Это было заметно. – Как можно сражаться при твоей хрупкости... к тому же в твоём положении.

Ах, да он вспомнил про ребенка. Про то самое дьявольское дитя. Рианон усмехнулась. Одно движение ее руки и меч очертил опасную дугу, проскользнув почти рядом с его лицом. Она игра с пламенем. За одну секунду ей пришлось опустить меч вниз. Тут же раздался писк. Когда она подняла лезвие вперед на нем уже трепыхалось странное зеленокожее существо с распоротым брюхом.

– Ну, допускаешь ли ты, что в мире есть много такого, с чем ты еще не знаком? – она с удовольствием следила за тем, как на прекрасном лице Фердинанда сменяет друг друга целая гамма чувств: от изумления почти до отвращения и страха. Когтистые конечности адского существа яростно трепыхались. Из распоротого брюха вытекала жидкость похожая на кровь, только черная и вонючая. Одна капля такого вещества и ее новое платье будет безнадежно испорчено, но Рианон это не пугало. Оно следила за эмоциями супруга куда внимательнее, чем за тщетными попытками твари поднатужиться и слезть с ее меча.

– Ты даже не представляешь себе, на что способна фея. Надеть латы и воевать, это меньшее из того, что я могу.

– Но тебя могут поранить или даже убить, – растерянно пролепетал он. Назвать тварь извивавшуюся на кончике ее меча милой заморской зверушкой он уже не мог, но хотя бы цеплялся за осколки правды. – Даже с волшебством ты не застрахована от ран.

– Откуда ты знаешь? – она победоносно усмехнулась. – Гляди!

Она отпустила тварь, но все же придавила ее кончиком меча к полу, чтобы Фердинанд мог понаблюдать за тем, как словно по волшебству затягивается распоротое брюхо. Лепрехун будто никогда и не был раненным.

– Он может еще и отвести тебя к сокровищам, если не упустишь его по дороге. Кто знает, может горшочек с золотом зарыт не там, где начинается радуга, а прямо на поле боя под копытами наших коней. Мы можем взять его с собой, чтобы он указал нам нужное место. Ведь вражеские войска этот малыш не распугает. Его можно ранить и даже убить, ну, почти убить, – она надавила на него кончиком меча, но никаких последствий кроме очередного всхлипа это не имело. – Они бессмертны, знаешь ли. И я тоже.

– Ты уверена? – он все еще сомневался. Изыщная зубчатая корона слегка давила на гладкий лоб. Она только сейчас это заметила, если он не отошлет ее к кузнецу, чтобы чуть расставить, то она надавит ему морщинки еще до старости.

– Точно так же, как уверена в том, что не вечен ты. Это правда, Фердинанд, подсознательно ты знал ее уже тогда, когда встретил меня там у болота, но тебя это не остановило. Еще десять, может двадцать лет и ты состаришься, а я нет. Огонь внутри меня этого не допустит. Если ты решил, что фея может занять трон рядом с тобой, то почему ей нельзя воевать. Ты считаешь, я еще незнакома с походным шатром, резней и пушечными залпами. Я уже воевала прежде, и как видишь ни ран, ни шрамов нет. Моя голова все еще на плечах. Однако я видела большее чем войны людей между собой. Воевать способны еще и другие существа куда более опасные чем люди.

– Их ты тоже видела? В битве?

Она кивнула.

– Их и полководца тоже. Если бы его не было, то сейчас я бы повела в битву их всех и моментально победила бы. Но пока мне придется удовлетвориться людьми.

– Мои воины тебя не подведут, – неожиданно серьезно пообещал он. – Они умеют сражаться.

– Поразительное утверждение для того, чьи войска еще не разу не ходили в бой.

– Но они хорошо подготовлены, пусть вся их практика это лишь турниры, учебные ристалище, а изредка и помощь другим воюющим странам, но я знаю, что в бою они проявят себя.

– К тому же за нами численность, – поддела его Рианон. – Кто против этого устоит. Конечно же не тот, у кого не осталось союзников.

– Ты довольна.

– Да, – не кривя душой согласилась она. – Однако месть не знает границ, если бы мне пришлось воевать против него во главе армий нечисти, а сразу после победу умереть, я бы согласилась не раздумывая. Какой бы цены не стоила голова моего врага, я ее получу. Сделка с дьяволом уже не имеет значения. Единственный дьявол это тот, кого ненавидишь, а не тот, кто отсиживается в шатре далеко от нашего мира.

– Но ты видела, каков он в бою?

Она равнодушно пожала плечами.

– Будет он на нашей стороне или на их уже не важно, я могу стать сильнее его, – она еще крепче придавила лепрехуна к полу, так чтобы он от боли заверещал. – Когда-то ангелы тоже дрались. Мы – два ангела. И лишь один из нас сильнейший.

Она отпустила лепрехуна. Тот вскочил, сорвался с места и убежал так быстро, что за ним едва можно было успеть проследить. Кончик меча жадно впитывал черную кровь. Через миг ему будет уже мало.

Рианон быстро отвернулась от Фердинанда. Его близость для меча в ее руках была слишком соблазнительна.

– Я отправлюсь в бой хочешь ты этого или нет. Без меня вам все равно не победить. Ты можешь возражать мне сейчас, но когда узнаешь Манфреда поближе, поймешь, насколько я была права. Твои звездочеты перед его изощрениями ничто. Битва с ним без применения колдовства тот час будет проиграна.

– Я не против защиты чар, поверь, но если рисковать придется тебе...

– Я всю жизнь рискую, – она резко обернулась, едва удерживая уже шипящее от искушения лезвие. – В этом я вся...

Она и сейчас рисковала. Его не защищенное горло находилось совсем рядом, а ее пальцы с трудом удерживали витую золоченую рукоять, изогнувшуюся в форме саламандры с распорыренными крыльями, образовавшими крестовину и тонким хвостом свившимся в эфес.

Гном – кузнец постарался, а она даже его не поблагодарила. После принесенных жертв это было излишним. Сталь наполнилась их крови совсем недавно, но ее аппетит от этого лишь возрос.

– Мне нужны латы, – она только сейчас заметила, что Фердинанд даже обратил внимание на то, откуда у его королевы взялся столь редкостный и необычный меч. Что ж, отсутствие у него любопытства играло ей только на руку. Чтобы жить в браке с феей и не мешать ее делам, суженый должен быть полностью ею опьянен.

– Еще мой собственный походный шатер и оруженосцы, моим боевым конем будет Норей. Так я назвала того скакуна, которого мне подарили, – быстро пояснила она, заметив его недоумение. Хорошо, что он не спрашивает о том, чей это подарок. Ответить на такой вопрос было бы куда сложнее. Пришлось бы сочинить что-то на ходу, а Рианон не любила врать. Лучше молчать о том, что ты любишь павшего ангела, чем лгать, что ты никогда подобного и не видела. С недавних пор ложь стала ей противна. Мадеэль бы сказал, что это чисто ангельская черта. Гордое возвышенное создание никогда не врет, так как оно выше всех и заискивать ему не перед кем. Скрывать то, что она открыла свой рай в объятиях демона, Рианон не собиралась. Все равно на войне все увидят, чего она стоит. Скоро ее сверхъестественные союзники присоединятся к ее армии. Ей надо только кликнуть. Мудрый дракон из башни дал ей необычный рожок, протрубив в который можно было созвать всю нечисть Винора и его самого. Чем дальше, тем больше сторонников она себе находила. Она королева нечисти и скоро ее рать станет бесчисленной.

– И кстати, – она уже собралась уходить, но вспомнила на ходу. – Я приручила маленького дракона, пусть никто не трогает его.

Фердинанд даже ахнул.

– Не волнуйся, он не увеличится в размерах, пока я нахожусь рядом с ним. Но другие пусть держаться от него подальше, особенно Вивиан с его драконоборческими инстинктами. Я не прошу того, кто тронет моих питомцев.

Сказав это она вынуждена была поспешить. Лезвие в ее руках становилось почти неуправляемым. Оно жаждало крови, чьей угодно, пусть даже крови самой Рианон. А ножны от него остались в ее спальне. Никогда больше она не бросит их где попало. Ощущение того, что она держит в руках готовую ужалить змею все усиливалось. По дороге как назло е подворачивалось ни одной мыши или крысы, заколов которых, она могла умерить его кровожадность хотя бы ненадолго. А убить человека в замке она бы не решилась. Ей еще повезло, что исчезновения Гвендолин и Ульриха осталось ни кем не замеченным. Для этого постарался дух. Он посоветовал ей применить чары отшибшие память у всех, даже у родни убитых. Только звездочеты могли что-то заподозрить, но они бессильны. Рианон даже радовалась теперь, что порвала их сеть. О всяком случае с тех пор они больше старались не подворачиваться ей на пути. Их силы и вначале были неравными, а теперь она легко уничтожила бы их всех, если б захотела.

Ножны, сделанные тем же гномом, и покрытые специальными сдерживавшими силу лезвия рунами остались лежать там где она их бросила. Она быстро спрятала меч в них и все же лезвию удалось ее порезать. Оно победоносно зашипело, но лишь на миг. Капелька крови тут же вспыхнувшая огнем на ковре напомнила Рианон о том, что поранив ее, каждый ставит под угрозу и себя. Видимо, чудесный меч не был исключением. Она сжимала рукоять и чувствовала, что поранить ее во второй раз он не решится. Зачарованный меч будто впервые стал естественным продолжением ее руки, признав в ней истинную хозяйку. Она сильнее его, а значит только она может им владеть. Рианон усмехнулась. Теперь все становилось на свои места. Это оружие должно подчиняться ее воле, а не наоборот. Управляться с мечом, который реет колоть и резать независимо от твоего желания, порой слишком сложно. Он может хотеть крови сколько угодно, но направлять его должна она.

– Ведь я могу стать самым лучшим рыцарем? Лучше него? – спросила она, но дух не откликнулся.

Пусть молчит. Рианон на него даже рассердилась, но очень быстро взяла себя в руки. Разве она не сможет обо всем договориться с Мадеем сама. Ей нужно знать это. Склониться ли он перед ней, даже если сам окажется сильнее? Если он любит ее, то должен это сделать. А ей необходимо хотя бы раз еще взглянуть на него перед тем, как начнется бой. Она вспомнила о кулоне, который теперь всегда носила с собой. Он продолжал без конца менять форму, поэтому она прятала его за корсажем, чтобы он не смущал своей изменчивостью людей. В последнее время он принимал то форму меча, то башни, то извивавшейся в огне саламандры. Она устала от его бесконечных преобразований, однако сейчас вытащив его на свет заметила лишь плоскую золотую каплю. Что бы это могло значить. Похоже на капель из жидкого золота, только оно твердое и плоской капельки будто нет ни начала, ни конца. Она сжала кулон в руке.

– Что это ты делаешь?

Гнусавый голос заставил ее вздрогнуть. Как давно она не слышала его и уже не ожидала услышать. На миг он заставил ее остолбенеть. Рианон даже не думала, что гном может находиться так далеко от земли. Ее башня ведь расположена очень высоко над уровнем плещущегося у скал моря. Сюда может попасть только ангел или дракон, но в любом случае тот, кто обладает крыльями. Рок же вылезший вдруг из-за стоящей в углу тумбы был естественно не похож ни на одного из них.

Возможно, он сумел воспользоваться подземными ходами, чтобы проникнуть сюда, утешила себя Рианон и тут же от него отвернулась. Она старалась не замечать того, что гном ведет себя так, будто настал миг его торжества. Он ничего уже у нее не отнимет.

– Зачем тебе кулон, если у тебя теперь есть конь, – осклабился гном, но Рианон даже не удостоила его взглядом.

– Уйди, не мешай мне думать.

– Размышляешь о том, куда бы ты хотела попасть? – он вдруг очень насторожился. – Я вижу это место в твоём сознании. Мне бы туда даже с кулоном дороги не было.

– Разумеется. А теперь уйди.

Однако он не сдвинулся с места. Она небрежно пожала плечами, проигнорировав его дурные манеры. Когда дама требует надо подчиняться, но он видимо не знал об этом.

– Что ж, можешь оставаться, через миг все равно исчезну я.

Она посмотрела на кулон и мысленно загадала одно место, свою спальню в небесном замке, ложе, где так часто спал Мадеем, а его локонах рассыпанных по подушкам резвились лепрехуны. Он стряхивал с крыльев странных насекомых и черных фей. Она хотела снова оказаться там, где видела его, о кулон будто ее не понял до тех пор, пока она не представила себе все ходы и галереи заоблачного замка. Опять ничего. Что-то не так. Она плохо себе все представляет или присутствие гнома мешает ей. Он затаился в углу и ждал. Рианон решила забыть о его присутствии и еще четче представила себе нужное место. Теперь, когда она сконцентрировалась на одном объекте полностью, это должно сработать. Ее мысли быстрее ветра пронеслись по балюстрадам с цветами, райским садам, массивным аркадам, анфиладам сверкающих зал и даже птичнику. Почему-то, несмотря на полет фантазии, все это казалось ей ужасающе пустым, и все равно она упорно представляла себе своды грандиозного небесного строения.

– Я хочу оказаться там. Немедленно, – потребовала она.

И кулона вдруг не стало. Она сжимала в своих пальцах пустоту.

– Что? В чем дело? – она недоуменно воззрилась на Рока. Гном держался за свой похожий на пузырь живот и сгибался от хохота. Казалось, сейчас он лопнет.

– Ты обманул меня? – Рианон угрожающе шагнула к нему и щелкнула пальцами, высекая искры.

– Ни в коей мере, – он проворно убрался с ее дороги. – Ты просто забыла кое о чем, красавица?

– О чем же?

Он победоносно уставился на нее зло сверкающими бусинками темных глаз.

– Стоит всего лишь загадать место, которого нет, и золотая побрякушка утрачивает всю свою силу. Ты отправила свою волшебную способность в пустоту, вот пустоту и получай!

Он исчез, а Рианон все еще изумленно смотрела ему вслед. Что он имел в виду? Нельзя загадывать волшебные места, но она загадывала, и у нее все получалось. Но места, которых нет... Разве замка в небесах не было. Она ведь там жила. И гонец видевший его в лучах рассвета утверждал, что он есть. Однако кулона не стало, как если бы она и правда отправила его в пустоту. Значит ли это, что замок больше нет. Рианон не хотела в это верить.

Как такое возможно? Она все еще не могла прийти в себя. Это было похоже на кошмарный сон. За сон бы она это и посчитала, если бы кулон все еще был с ней. Но он ведь исчез.

Миниатюрный дракон лазил по ее комоду, коготками открывая ящички и пересчитывая, сколько драгоценных украшений спрятано в каждом. Он был таким забавным. Рианон постаралась отвлечься от страшных мыслей, наблюдая за ним. Она ведь даже не дала еще ему имени, надо как-то его назвать и еще суметь применить магию для того, чтобы он откликнулся на это имя.

– Самородок, – после недолгих раздумий решила она, и дракончик тут же обернулся на звук ее голоса, намеренно небрежно дернув крыльями. Он удерживался на вершине комода, цепляясь за ручки одними когтями и раздумывал идет ли ему новое имя. Рианон считала, что вполне. Поскольку свернувшись клубком он бы мог напоминать цельный золотой слиток с глазами – аквамаринами, то назвать его самородком догадался бы любой.

– Звучит глупо, – обозлился дух. Наконец-то он подал голос. Рианон чуть не рассмеялась. Выходит, если он решил отмалчиваться, нужно всего лишь чем-то его задеть, и он снова заговорит.

– Мои капризы тебе придется выполнять, даже если ты считаешь их глупыми. А иначе можешь убираться.

Наступила минутная пауза, после которой по тишине пронесся тяжелый вздох.

– Хорошо, что ты не назвала его кубышкой с золотом. Ему бы тоже пошло.

Замечание пришлось как раз в точку. Собирателем сокровищ ее маленький питомец уже стал, пусть пока лишь в пределах комнаты своей госпожи. Дух же видимо решил мириться с ее капризами, а не уходить. Рианон ощутила себя победительницей. В последнее время с ним стало удивительно легко настаивать на своем. Она даже поняла, как проще всего это делать. Нужно лишь потребовать, чтобы он слушался ее или убирался, и тогда победа на ее стороне.

– Так мы будем готовиться к войне? – вопрос духа застал ее врасплох.

– Я уже это делаю.

– Ты плохо это делаешь.

– Да, как ты смеешь! – она инстинктивно схватилась за меч и вдруг поняла, что он бесполезен. В жилах бесплотного духа кровь не течет, значит и чудесное лезвие обратить против него нельзя.

– Ты хотя бы проверила откликнуться ли на твой зов все те, кого ты завербовала? – продолжал читать нотации он. – Что если они не сдержат свое слово: ни лесные духи, ни феи, ни драконы. Они же все хитры. Ты решила, что они кинутся выручать тебя из первой же опасности на поле брани.

– Это я проверю же в походе, – Рианон недавно заметила, что крошечные существа провожают ее даже на прогулки и часто на охоту. Под ногами ее коня то и дело появлялись карлики, провожающие ее, а пикси летали над головой. Когда охотилась с королевской свитой, она знала, что может приманить волшебные существа из чащи и они сами приведут к ней лань, ласку или оленя. Они слушались ее, как и своего господина. Больше всего Рианон насторожило то, что и инстинкты у нее стали, как у Мадеэля. Однажды пристрелив из лука лань она ощутила странную жажду. Еще до того, как егери начали потрошить тушу она хотела подставить

флягу под струйку крови или прижаться губами к ране. Что если бы она сделала это на глазах у всех? Мадеэль мог не стесняясь на поле боя выпивать кровь у раненых, если б захотел. Его окружали те, кто его понимал. А ей нужно было соблюдать приличия, чтобы самой не попасть на костер. Вивиан присоединившийся к охотящимся и так поглядывал на нее подозрительно. Он и сам был хорош. Выглядывал драконов в чащобе, а еще князя – колдуна, способно помочь их победить. Рианон удалось заметить в чаще лишь одного небольшого дракона, но довольно активного, а не опьяненного. С ним Вивиану было не справиться. Выберись он из укрытия и мог бы растерзать весь их небольшой отряд, однако заметив Рианон, он лишь быстро наклонил голову и поспешил скрыться.

Рианон собиралась мысленно предупредить Вивиана, чтобы он не взирал на нее так ошеломленно, но запах освеженный дичи настолько раздражал ее обоняния, что думать больше не о чем она уже не могла. Запах крови стал приманкой. Ей хотелось подставить кубок под алую струю и на месте перерезанного горла лани, она представляла себе горло Манфреда.

Скоро это будет не фантазия, а реальность. Конрад почему-то вспомнился ей первым. Достав кинжал, которым добьет животное, Рианон представила себе горло принца. Он посягал на нее, он заслуживает умереть. Даже Мадеэль решил бы точно так, как она.

Воин-любовник

Дуглас проснулся неожиданно. Ему показалось, что рядом кто-то есть. Кто-то, кого он давно ждал.

Как только ему удалось задремать. Он давно уже не мог уснуть. А тут вдруг сон опутал сознание будто паутина. Юноша даже не успел проконтролировать свои волшебные защиты. Он небрежно встряхнул рукой спутавшиеся волосы, окрашенные особыми растворами в жгуче черный цвет. Раньше хватило бы усилия мысли, чтобы привести их в порядок, а теперь он как обычный человек пользовался руками вместо чар. Все это больше походило на наваждение.

Хорошо, если все его плененные сверхсущества не разбежались, пока он спал. Дуглас обеспокоено начал оглядываться по сторонам и вдруг остолбенел. Перед распахнутым в ночь окном стоял он... тот, кого наверное он должен был дожидаться вечно. Алый плащ развевался за крылатой спиной. Не стоило трудов догадаться, каким образом гость проник в его башню. Хотя зачем ему окно? Он наверное умел проходить сквозь стены, просачиваться в щели вместе с воздухом, текучей водой или возникать в огне. Он был всюду и все было ему подвластно. Вот и сейчас бурные порывы ветра дули рядом, но не проникали в распахнутое окно. Сеть для звезд растянутая под ним осталась не порванной.

Красивая мускулистая рука сжимала меч, но Дуглас понимал, что на поединок гость его не вызовет. Он здесь для другого.

Юноша едва мог перевести дух. Как долго и безнадежно он грезил об этом моменте. И вот чудо свершилось. Пугающее чудо. От лицемерия ангельской красоты кровь стыла в жилах.

Он не боялся ослепнуть при виде ангельских черт. С ним уже это не случилось. Значит не случится и в будущем. Однако точеный профиль, обрамленный золотистыми прядями, заставил его ощутить какое-то болезненное восхищение. Вот он Денница. Совсем рядом. Во плоти. Или почти во плоти. Дуглас как ни старался, а так и не сумел разобраться в сложной структуре сверхъестественных тел. На почти что не поддавалась пониманию. Вот и сейчас сложно было определить, где кончается эфир и начинается материя. Гость казался ему вполне осязаемым и материальным и в то же время несоизмеримо более сильным, чем может быть физическое существо. Даже крылья чуть трепещущие у него за спиной выглядели такими мощными. Одним их взмахом можно сбить человека с ног.

Дуглас с трудом сглотнул. Почему он медлит, глупец. Он ведь ждал этого момента всю свою жизнь и не чаял дожидаться. Перед ним прямо в его башне изолированной от всего мира стоит именно тот, о ком он так горячо мечтал. Возможно, он тут всего лишь на миг перед неизбежным исчезновением. Так нужно этим мигом воспользоваться.

Он мог бы попросить о чем-то. Инстинктивно он почти ощущал, что гость этого ждет и даже готов откликнуться. У Дугласа онемели губы. Поверить в долгожданный миг было так трудно. Уже увидеть бессмертного воителя здесь было неопишумой наградой.

– Не бойся! – ангел двинулся к нему, плавно и вовсе не угрожающе, однако Дуглас в испуге прижался к стене. За его спиной дрогнули полки с книгами и закопошились существа, посаженные в клетки, от чего по бледным губам гостя расплылась обворожительная улыбка. Он протянул вперед руку с длинными тонкими пальцами и коснулся волос Дугласа. Юный маг оцепенел. Ощущение было невыразимым. Вот почти бесплотные и в то же время невыразимо сильные руки скользят по его прядям, наматывая их так, будто желая завязать в сеть. Сияющие синие глаза в ореоле золотых ресниц заглядывают внутрь его. Соблазнительные бледные губы совсем рядом. Сам Денница... На языке у Дугласа вертелось множество имен ужасающих или благородных, какими стоило его называть: Люцифер, Масмема, Вельзевул...

– Ты знаешь мое имя! – золотистый голос проник будто сквозь него. – То, которое я предпочитаю.

– Да, – Дуглас с трудом кивнул. Он видел свою мечту так близко и в то же время его вдруг кольнуло острое чувство разочарования. Разве об этом он в последнее время мечтал? О близости с бывшим сыном зари? Если так, то тот был совсем рядом. Так почему же Дуглас вдруг принялся искать в его лице совсем другие женские черты? Черты Рианон. Почему это она не могла сейчас к нему прийти? Почему вместо нее пришел Мастема? Ведь в последнее время Дуглас мечтал лишь о ней.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы понять, что прекрасный ангел явился к нему вовсе не с предложением близости.

– Твой король хочет заполнить меня в свое войско? – бледные губ изогнулись в усмешке, от которой мороз пробежал по коже. Это было утверждение, а не вопрос и все же Дуглас кивнул.

– Любопытное предложение...

Даже плененные Дугласом существа в клетках и углам башни захихикали, различив издевку в тоне Денницы. Дуглас же не знал, куда ему девать глаза.

– Я обещал...

– Я знаю, что ты пообещал, – прервал его ангел. – Неужели ты считаешь, что я могу хоть что-то не знать.

– Ну... – юноша ощущал себя последним дураком. Его кумир намеренно втоптывал его в грязь, пеняя ему его наивностью. – Думаю, ничто не ускользнет от вашего внимания, монсеньер.

– Монсеньер, – красивые бледные губы опять усмехнулись. Дуглас заметил, что издевательская усмешка расцветает на них подобно розе, так они красивы. Он никогда не был поэтом, и все же сравнение напрашивалось само собой.

– Забавное обращение, но мне нравится...

Хохот так и не раздался, но в мозгу Дугласа он все же прозвучал, подобные звону золота в пещерах драконов, оглушительный и в то же утробный.

– Слишком низкое для вас, – испуганно пролепетал он.

– Зато суть передает, – его золотые ресницы вдруг опустились, не роняя при этом тени на щеки, лишь сияние. – Я никогда не был первым...

Он задумчиво нахмурился, будто взвешивая недавние воспоминания.

– Нет, вы первый и только вы, – осмелился возразить Дуглас и тут же прикусил язык. Рука до этого гладившая его локоны, чуть не сомкнулась на горле.

– Она так не считает, – прошептал Мадезэль.

На это Дугласу было уже нечего возразить. Он помнил Рианон. Один ее облик в миг перечеркивал все, чем он жил до этого. Он мог понять Денницу, его страсть, его любовь, его самоотречение... Он же не готов проиграть ради нее? Дуглас вдруг испугался.

Я люблю вас, чуть было не вымолвил он, вас обоих, и лишь поэтому вы не должны сражаться. Сражайтесь со всем миром, но только не друг с другом. Почему вы не можете быть против всех, но вместе. Однако очевидно все уже было решено без его советов. Дуглас запаниковал, а рука сжимавшая его вдруг стала тверже. Освободиться из объятий статуи было бы куда легче, чем скинуть ее.

– Потребуй со своего короля любое вознаграждение, малыш, за то, что убедил меня принять вашу сторону.

– Но... – Дуглас опешил. Золотистый голос напоминал эхо. Каким уставшим он был. — Если ты с ними, то ты против нее.

Сама догадка его оглушила. Он тупо смотрел на великолепное лицо, будто застывшее на миг. Смех зазвучавший внезапно, будто звон покотившихся по полу монет, совсем выбил его из колеи.

– У нее есть еще супруг, если ты помнишь, – горько смеясь, напомнил ангел. – Или ты уже кончил подсматривать за ней? В отличии от меня.

Рука прижимавшая его к стене стала еще тверже. Дуглас весь сжался.

– Даже я мог бы его убить... своими особыми методами разумеется. Послать птицу с ядом в его обеденный зал например. Никто даже не заметит, как ее когти скользнут по бокалу короля.

– Я хочу убить его у нее на глазах, – непререкаемым тоном возразил Мадеэль. Спорить было бессмысленно. Дуглас тут же сдался.

– Она любит его? Как вы думаете?

– Вряд ли, – ангел покачал головой. – Иначе я бы почувствовал. Но она с ним. И этого мне достаточно, – в его голосе вдруг зазвенела сталь. – Скажи, что я забираю девушку в любом случае. А еще наследного принца. Все остальное достанется твоему господину, раз он все не против, чтобы я был на его стороне.

Стальная длань его отпустила, но Дуглас не спешил уходить и исполнять приказ. Он все еще остолбенело смотрел на гостя.

– Вы не должны этого делать, ведь так? – догадался он. – Вы должны быть на ее стороне, а не его. Такого высшее повеление. Я прав?

– Убирайся! – в красивых глазах вдруг сверкнула такая ненависть, что Дуглас сочел за благо попятиться к двери. – Запомни, мальчик, – остановил его суровый голос уже перед выходом. – Здесь на земле, я сам решу, как мне поступать и на чьей стороне сражаться. Мне хватало прежде приказов всевышнего, твои советы уже ни к чему.

Так и должно было быть. Дуглас это знал. Нельзя вечно повелевать сильнейшим, даже если он пленен. Когда-нибудь цепи порвутся. Ярость позволила ему осознать свое превосходство. Хорошо, если эта ярость будет выплеснута теперь не на него. Дуглас почти слышал, как где-то в неизмеримой дали часы ангелов отбивают тревожную дробь. Свершилось. Пора. Он только пожал плечами, мирясь с неизбежным.

– Что ж, значит время пришло, – проговорил он, не рассчитывая особо на то, что Мадеэль поймет его и одобрит подобные наблюдения за собой. Но ангел лишь усмехнулся.

– И ты думал, что ты лучше меня? – Конрад вздрогнул и обернулся, но галерея за ним была пуста. Ни в одной из арок никто не прятался. За ним никто не шел, однако шепот звучал в его мозгу, пронзительный и обжигающий. Н прокатывался огнем по каждой вене, опьянял мозг, навевал ощущение тревоги и страха. Хотя кого бояться? Вражеских лазутчиков? Заговорщиков? Бунтовщиков, которые по слухам начали жечь поместья своих феодалов? Как им проникнуть в замок? Здесь никого подозрительного нет, а охрана не дремлет. И все же Конрад ощутил себя в опасности. Ему даже стало как-то неловко. Кого можно бояться в пустой галерее. А он не просто боялся, он весь дрожал. Кожа покрылась мурашками, тело судорожно тряслось. Он остановился и прислонился к одной из колон. Что за наваждение? Если все это фокусы Дугласа, то пора сдать его инквизиторам или бунтовщикам. Пусть бунтующий народ уничтожает дьявола в его лице. Восставшим сейчас нужна чья-то кровь. Они напали на старика Бертраана лишь потому, что тот якобы был заражен дьяволом. А чем придворный маг хуже. Только тем, что он живет при дворе и не до него не так просто добраться. Конрад сейчас сам бы отдал его бунтовщикам, хотя и не был уверен в том, что Дуглас не наколдует чего-то такого, чтобы все они разбежались. От него чего угодно можно ждать. Но почему он принялся колдовать против своего господина? Конрад упрямо считал себя благодетеля юного мага, он ведь нашел ему задание, платил щедрой рукой, сыпал милостями. А Конрад мало того, что еще не нашел прямого пути к возвращению Рианон, так и начал обращать свои чары против своего же заказчика. В последнее время он упорно твердил о том, что соперник Конрада намного сильнее чем можно себе представить.

– Но ведь я убил мальчишку, о котором ты говорил, – возразил на это Конрад. – Он как раз был белокурый. Ты говорил она любит кого-то золотоволосого и сильного, так взгляни на его труп. Это он. Ее видели с ним вместе.

Однако Дуглас лишь упорно качал головой и нес какой-то бред. Из его заверений следовало, что Рианон делит ложе с божеством, а не с простым смертным. Дугласу от этого было не легче. С кем бы вместе она не была, он намеревался его убить. Пусть это будет даже не один светловолосый мальчишка, а десяток таких, он всех их пережжет, а трупы покажет ей.

– У тебя появились последователи, – смеялся над ним Манфред. – Кто-то режет золотоволосых девчонок по всему Лорету и даже за его пределами.

Дуглас не особо прислушивался к отцу. На светловолосых мещанок, крестьянок и даже нескольких недавно исчезнувших знатных дам ему было наплевать. Ну и что, что они похожи на Рианон. Главное, что горло перерезали не ей. Он, собственно говоря, и не верил в то, что кто-то способен ее убить. У кого не дрогнет рука при виде такой красавицы. Даже этот юный бандит, останки которого теперь гнили на королевской псарне, в нее влюбился. А ведь мог сам перерезать ей горло. С него бы случилось. Однако мужчинам было нужно от нее совсем другое. Вместо того, чтобы убивать Рианон, брошенные ею юнцы сами резали себе вены. Взять в пример хотя бы этого Рона. Он осмелился убить себя раньше, чем Конрад отдал его под пытки. Однако мысль, что Рианон бросила его была принцу по душе. Рианон такая... в нее сам черт бы влюбился.

О самом Конраде уже поползли нелестные слухи. Его так давно видели лишь в компании двух друзей, что начали приписывать ему нездоровое увлечение юношами. Труп Рона подлил масла в огонь. «Принц убил из ревности своего любовника», об этом теперь твердили все. А безумная ненависть Конрада к уже почти сгнившим останкам лишь добавляла сплетен. Он каждый день проверял, насколько сильно пострадал труп. Те, кто замечали его на псарне, шушукались уже даже при нем. Сам Конрад подобные слухи игнорировал. Даже глупец мог понять, что невнимание принца к придворным дамам в итоге приведет к определенному результату. В последний раз его видели увлеченным Рианон, но это было так давно. Придворные уже успели забыть, как он созывал менестрелей под ее окна, приглашал ее на танец и подносил цветы. С тех пор принц не оказал знаков внимания ни одной из дам, а стало быть он увлечен вовсе не дамами. Ему приписали нездоровые интересы, которые куда больше были свойственны Друзилу. Вот тот бегал за привлекательными мальчишками, Маркус предпочитал здоровых крестьянских девиц. Сам же Конрад мечтал о первой красавице, какую только видел. Иногда казалось, что Рианон ослепила его настолько, что он просто больше не способен замечать других.

Может, она и впрямь его чем-то опоила. Или велела Дугласу заколдовать на него. Нет, Конрад в это не верил. Зачем ей пускаться в подобные ухищрения. Во-первых, Рианон выше этого, во-вторых, не влюбиться в нее просто невозможно, а в-третьих он заметил ее намного раньше, чем стал принцем. Тогда обольщать его никто еще не спешил.

Было время, когда придворные дамы его не замечали, а нынешние приятели Маркус и Друзил были всего лишь посторонними и необщительными молодыми людьми. Теперь они ходили за ним по пятам как верные собаки. Еще бы, кто бы еще стал закрывать глаза на их дерзкие выходки, если не тот, кто сам держит в руках закон. Наверное, не осталось уже ни одного закона, по которому этих повес не стоило бы осудить. Но они держались рядом с принцем и никто не смел бросить обвинения прямо им в лицо. Вот и сейчас Конрад уже слышал их пьяный смех позади себя в галерее. Он ускорил шаг, чтобы не встречаться с ними. За последнее время даже они успели ему надоест вместе с их играми и дебошами. Он хотел уединения. И все же оказавшись в замкнутом пространстве меж колонн, он понял, что не один. Кто-то находился рядом, но он не шел за ним, а стоял впереди. Конрад даже на миг прикрыл глаза, чтобы отогнать наваждение. Перед ним ведь нет ничего, кроме проема арочного окна, а за ним

лишь звездная ночь, холодная и безграничная. В высоте нет ни одного живого существа, даже птицы не летают так высоко. А часовые на башнях не подпустили бы лазутчиков и все же Конрад ощущал кого-то рядом. Чье-то жаркое почти пламенное дыхание обжигало ему кожу. Он ощутил себя так, будто приблизился к накаленной жаровне. Таких ощущений у него давно уже не было. А именно с тех пор, как исчезла Рианон. В его сознании метнулась быстрая догадка. Лишь когда танцевал с ней он ощущал себя так, будто приплясывает на раскаленных углях. Одна только Рианон была способна обжечь его своим прикосновением. Ведь только в ней одной закипал огонь. Находиться рядом с ней было так же опасно, как соваться прямо в кратер вулкана, но его это не пугало. Если бы сейчас после столь долгого отсутствия нареченная вернулась, Конрад был бы несказанно рад.

Он собрался уже окликнуть ее по имени, когда кто-то вдруг коснулся его плеча. Рука слишком сильная для девичьей и даже если сравнивать ее с хваткой воина она все равно бы оказалась слишком сильной.

– Ты считаешь, что в тебе есть нечто такое, чего не достает мне? – высокомерный чуть насмешливый голос почти что его обжег. Он намеренно издевался и вторя ему снизу, кажется, из каждой плитки пола, загоготали хохочущие отвратительные голоса.

Конрад напрягся. Он слышал что-то о договорах с дьяволом и о том, что его собственный отец пытается призвать некие неведомые силы, но не верил в это до последней секунды. Ему просто не хотелось верить, но сейчас когда мороз пробежал по коже, невозможно было не вспомнить предупреждений Дугласа. «У зла прекрасный лик и быстрые крылья, а любовник Рианон золотоволос, как заря», смеялся придворный маг, перебирая свои зелья в башне и выискивая в темных уголках паутину для их приготовления. Однажды он поймал вместе с паутиной каких-то отвратительных существ, они выползали прямо из-под плиток пола. Теперь Конрад слышал у себя под ногами их гадкий смех. Сам юноша оцепенел так, что даже не мог переставить подошвы и придавить их. У него просто не хватало на это смелости, а вот у них доставало наглости, чтобы шмыгать прямо по его обуви и одежде. Но больше всего его пугали не они.

До сих пор он пренебрежительно относился к условиям мага и отца. Нельзя мешать работе чародеев. Нельзя трогать необычных существ размером с наперсток, даже если они крадут что-то у тебя и насмеются над тобой. Нельзя убивать в лесу необычных птиц и зверей. Нельзя считать по ночам звезды. Нельзя произносить запретные ангельские имена, иначе некто, кого магией призывают в замок, прогневается на тебя и страшно накажет.

Дуглас с трудом сглотнул. Видно пришло его время. Хотя он не помнил, чтобы нарушал хоть одно из этих условий. Разве только недавно он велел подстрелить необычную птицу, летавшую над башнями замка, но лучники промахнулись. В следующий раз он бы и не подумал в нее стрелять. Ему почудилось, что у той птицы голова Рианон.

Сейчас в темноте он тоже разглядел чью-то белокурую голову, четко, как если бы каждая золотая прядь была прорисована на фоне мрака. Казалось, что это не пряди, а змеи, извивающиеся и отлитые из драгоценного металла. Конрад постарался рассмотреть бледное мерцающее лицо под ними и чуть не ослеп. Ему даже пришлось прикрыть глаза рукой. Ощущение было таким, как будто он глянул на яркое палящее солнце. Начищенный медный щит на руке воина лишь усиливал это впечатление. Кажется, по нему змейками разбежались рунические рисунки. Их становилось все больше по мере того, как в окно просвечивала луна, и вот это уже не щит, а металлический лист пергамента сплошь изъеденный знаками. Ну разве это не наваждение? Конрад ни как не мог прийти в себя. Он видел стройное мощное тело перед собой. Незнакомец был по меньшей мере на голову выше его. Яркий алый плащ напоминал струю огня, он красиво обрамлял статную фигуру и нечто белое, пушистое, трепыхающееся за ней. Конрад плохо различал цвета. Казалось, в изысканной броне воина золотистое сливается с темным, а браслеты на мощных запястьях не отличишь от лат. Они вот-вот треснут или змейки разбежавшиеся по ним это тоже всего лишь рисунки.

Красивые бледные губы приоткрылись, силясь что-то произнести, но говорить им как будто мешало презрение к человеку. Они и двигались и усмехались так презрительно и все равно были похожи на врата в рай, на лепестки роз... он даже не знал, с чем их сравнить. Рианон никогда не могла упрекнуть его в отсутствии поэтичности, но сейчас он не находил слов. То, что он видел перед собой было слишком великолепным, и в то же время он ощущал пугающий трепет.

Конрад оцепенел. Синие глаза посмотрели на него из-под золотистых ресниц все так же высокомерно и презрительно.

– Я пришел за тобой, – тихий голос таил в себе угрозу.

Конрад только сейчас заметил, что в руки незнакомца меч. Нет, он не был незнакомцем. Это лицо... Конрад щурился от слепящего света, силясь разглядеть получше ангельские черты. Он знал это лицо. Он его помнил. Видел каждую ночь в своих снах. Только теперь оно стало немного другим. В нем появилась сила и суровость, и несмотря на это оно оставалось почти по-девичьи нежным. Не бывает двух таких одинаковых лиц у мужчины и женщины, но разве если сравнивать его самого с Хильдегард, то они как брат и сестра тоже весьма похожи. Но Рианон всегда была одной-единственной. Никто не мог с ней сравниться. Среди ее родни, дальней или близкой, не нашлось бы никого, кто хоть отдаленно на нее походил.

Тогда кто же сейчас перед ним? Ее близнец? Нет, у Рианон никогда не было брата. Иначе бы он знал. Этот ангел, возникший в проеме арочного окна, просто не мог иметь никакого отношения к ней. То есть никакого кровного родства. А что если он был демоном? Догадка метнулась мгновенно и тут же подтвердилась. Ему ведь сказали, у зла прекрасный лик. У зла... рука с золотыми когтями уже потянулась к нему.

– Но я выполнял все условия? – заикаясь, пробормотал Конрад, в последний миг он все же вспомнил о наставлениях Дугласа, однако ангел выглядел непреклонным. По выражению его лица было видно: он уже все решил, и изменить приговор нельзя. Будто сквозь сон Конрад услышал его голос, теперь уже суровый, а не насмешливый.

– Ты позарился на то, что принадлежит мне.

И золотые когти сомкнулись на его горле.

Маркус такого не ожидал. Они с Друзилом уже готовились весь вечер терпеть меланхолию принца. В последнее время находиться рядом с Конрадом становилось неприятно и даже опасно. Долгие часы угрюмого молчания совершенно неожиданно сменялись вспышками дикой ярости. В приступе бешенства принц мог заколоть любого, кто нелестно отозвался о его зазнобе, будто говоривший сам был виновником ее исчезновения. К нему бы сейчас приставить хорошо вооруженных стражей. Однако Маркус привык справляться со всем сам и теперь ни на миг не расставался с оружием. Король ясно дал понять друзьям своего обезумевшего сына, что они должны охранять его день и ночь, пусть даже от него же самого. Весьма умно. Учитывая то, что их было двое, они могли сторожить его хоть посменно. Друзил как раз отстал. Возможно, какой-то юный паж или герольд привлек его внимание. Маркус криво усмехнулся. Сам он до сих пор предпочитал девушек. Но до такого безумия как у принца его интрижки никогда не доходили. Конрад свихнулся, это всем уже было известно. Вот и сейчас он вел беседы с пустотой. С ним теперь было не повеселиться. Не то, что в прежние времена. И все же близость с венценосной особой стала для Маркуса приятным покровительством. Ему теперь многое сходило с рук. То, чего он ни за что не позволил бы себе раньше, теперь стало нормой поведения. Он ведь был рядом с принцем, а значит он был от всего защищен. Вот только на этот раз пришлось бы защищать и Конрада. Его поведение становилось все более нервным. Приближаясь к тому месту, где он скрылся за колоннадой Маркус весь напрягся. Он готов был поклясться, что слышит какие-то подозрительные звуки. Кроме голоса принца в аль-

кове еще звучал другой, суровый и мелодичный, тихий и проникновенный, нежный и жесткий в одно и то же время. Не голос, а вся неземная гармония в потоком льющихся звуках.

На миг Маркус остановился. Уж не выпил ли он лишнего сегодня у Эммета в кабаке. Молоденький хозяин, которого Друзил, развлекаясь с мечом, недавно лишил отца, готов был поставить перед ними все, что угодно, даже кровь других посетителей кабака. Последнего не потребовалось. У Эммета как раз была хорошенькая сестра. Ее общество с лихвой заменило все другие забавы на сегодняшний вечер. Оставив рыдающую девушку в разорванной сорочке Маркус высыпал на пол рядом с ней несколько золотых монет. Они звякнули ударившись чуть ли не о ее макушку. Лиззета или Марта, как там ее звали... теперь уже не важно. Маркус помнил только кровь на расцарапанной груди и упавшие рядом с юным телом монеты. Чистое золото. Он сам не смог бы объяснить свою сегодняшнюю щедрость. Разве только он уже тогда предвидел, что увидит сейчас нечто более ослепительное, чем золото. Какое-то сияние застыло между колонн, подобно сотканному из солнечных нитей облачку, и рядом с ним блеск червонцев померк. Золото было тусклым по сравнению с этим видением.

И все же Маркус инстинктивно вытащил меч. Буквально кожей он ощущал, что в их тесную компанию из твоих друзей теперь затесался кто-то четвертый. Кто-то, кто все разрушит. Едва дыша, он двинулся вперед. Легкие и горло будто сдавило. Идти было тяжело, но он не останавливался. Откуда только берется это ощущение, словно он ступает босиком по ножам. Видно и впрямь сегодня он чересчур много выпил.

– А раньше мог осушить целый бочонок крепчайшего эля и никакие предметы потом не начинали плясать перед тобой ходуном, – ехидно шепнул кто-то ему на ухо.

Это был не Друзил. Хотя именно тот любил поддевать его подобным образом, но голос оказался совершенно незнакомым. Даже не голос, а какое-то скверное пицание. Маркус не обернулся, потому что знал, что рядом никого нет. Ему всего лишь померещилось. Значит ли это, что то, что он видит впереди также иллюзия? Он крепче сжал рукоять меча. Стройный силуэт на фоне колонн несказанно его изумил. Нечто крылатое и прекрасное выводило когтями причудливые рисунки на обнаженной груди принца. Движения тонких пальцев были нежными, почти эротичными, но Маркус видел кровь выступающую на коже Конрада.

Принц был раздет. Изрезанные полоски ткани от рубашки валялись на полу и какие-то существа возились в них, как в бинтах мумии. В темных кудрях Конрада поблескивало нечто подобное рубинам. Маркус не сразу сообразил, что это кровавая капля. Кровь! Сколько здесь ее? Если сопоставить со всем этим крылатый силуэт у окна, то похоже на кошмарный сон. Где Друзил? Может ли он также увидеть все это? Что если крикнуть и позвать его? Но тогда ведь он разрушит всю эту иллюзию своим появлением.

Маркус смотрел перед собой и ни с кем не хотел делиться тем, что он видит. Золотые ниточки волос подобно пряже свисали на бледное чело, крылья за мощной спиной трепыхались, а за ними в проеме арочного окна простиралось звездное небо – стихия того, кто пока находился здесь. Надолго ли? Каждый миг драгоценен. Возможно, это и есть всего лишь один миг, но в нем вся вечность. Маркус никогда не верил в легенды о непобедимом воине и тем более в рассказы о том, что на самом деле он не человек, а небожитель. Однако теперь он видел все своими глазами и взгляда отвести уже не мог. Это было похоже на откровение – миг божественного в обыденном мире, и все же он размахнулся мечом. Лезвие просвистело совсем рядом от безвольного тела принца и заставило божество поднять глаза. Какими они были синими и бездонными. Маркус содрогнулся.

– Оставь его! – он только сейчас вспомнил о том, что его долг охранять принца, но это как будто уже было и неважно. Все утратило значение, кроме этих глаз.

– Да? – бледные губы высокомерно и насмешливо изогнулись. Под ними сверкнули острые жемчужно белые резцы и капельки рубиновой крови. Ангел пьет кровь! Маркус невольно

попятился, забыв о том, что это в его руках сейчас обнаженный меч. Все равно если это тот самый воин, то меч – это всего лишь ненужная игрушка.

Всего миг и сильные руки отшвырнули тело Конрада. Оно безвольно осело на пол.

– Ты угрожаешь мне?

Ангел уже стоял перед ним. Одно резкое движение и меч сломанным лежал на полу. Маркус не успел понять, как оказался на полу и сам. Сейчас он умрет, было его первой мыслью. Ангел всего лишь придавит его ступней обвитой золотой сандалией и этого будет достаточно, чтобы раздавить хрупкие человеческие кости. Сейчас он продавит ему грудную клетку и оставит медленно мучительно умирать. Юноша приготовился к худшему, он уже видел рунические символы на подошве сандалии, видел руку занесенную для удара, однако лицо ангела оставалось бесстрастным. Еще миг и оно перекивилось в презрении. Щадивший его небожитель мог бы всего лишь прошептать «живи», но он остался безмолвен. Видимо, слов на подобное ничтожество он тратить не хотел. Однако щеку Маркусу будто обожгло. Он уже не слышал шума вдали, топота ног бегущих людей и трепыхания крыльев за окном. Даже если ночной гость улетел, осталось нечто, что будет напоминать о нем и его презрении к человечеству. Маркус остался жив, однако чувствовал себя раздавленным, не ступней ночного гостя, а его обжигающим отращением. Он будто видел все мысли низкого порочного человека. Синие глаза смотрели сквозь мозг и череп, различая память о недавних безумных ночах. Зачем все это? Почему раньше он не мог опомниться и искать что-то другое, что-то похожее на то, что он видел сегодня. А так получается, что вся жизнь прошла зря. Кутежи, драки и сцены разврата сменяли одна другую, а все было пусто. Маркус ощущал жуткое сосущее опустошение, а ее ожог на лице. Он с трудом поднес руку к щеке. Там пылало единственное о чем стоило помнить и только это у него и осталось, не прикосновение и уж тем более не поцелуй, а плевок божества.

Ей показалось, что она слышит истошные вопли Манфреда. Рианон раскрыла глаза, стараясь не поддаваться сну. Да, месть сладка, но до нее еще остались дни, недели, месяцы... сколько точно им понадобится времени она не знала, но ведь взятие Лорета еще только впереди, а она уже слышит предсмертные крики своего врага, видит его агонию, руки, рвущие волосы, заплаканные до красноты глаза, дикие хрипы. Он похож на раненное животное, а место вокруг него это пылающий ад, там некуда деться от огня. Пламя обступает башни со всех сторон... но ведь это же Лорет. Ее город – ад? Рианон стало страшно и что-то внутри нее шелохнулось. Огненный спазм тут же прокатился по телу. Еще слишком рано для схваток или уже самое время? Если б она знала хоть что-то наверняка. Если б нашелся хоть кто-то, кто мог бы объяснить ей, как должна протекать подобная беременность. Вряд ли даже сам Мадеэль смог бы ей это объяснить. Мадеэль! Рианон снова прикрыла глаза. Знает ли он о том, что уже не одинок. Скоро в мир родиться существо подобное ему.

– Ты думаешь этот ребенок тебя убьет? – голос духа прозвучавший совсем рядом на этот раз показался ей совсем неразличимым. Кажется, в нем промелькнули нотки беспокойства. С каких это пор он стал за нее волноваться.

Рианон не ответила, потому что не хотела сейчас ни с кем разговаривать. Едва она смежила веки, как картины пылающих башен снова стала такой реальной.

Сегодня лучше не спать.

– Да, уж, ты посмотри лучше какая ночь. Выйди на башни замка.

Произнес ли это дух? Рианон сонно озиралась по сторонам и естественно никого не видела. Разве только дракончик запустил лапу в ее шкатулку и теперь играл крупным рубином. Может ли в этом камне как в хрустальном шаре отражаться будущее? Рианон глянула на рубиновые грани, и ей опять померещилось пламя.

– Может потому что оно внутри тебя, и от него никуда не деться? – на этот раз к ней точно обращался дух.

Рианон лишь отрицательно покачала головой. На крыше замка сейчас наверняка темно и холодно, но ее потянуло туда. Взглядом она поискала теплую накидку или верхнюю робу отделанную соболем и вдруг ощутила, что рядом кто-то есть.

Рианон встрепенулась. Она не одна. Но ведь в закрытую дверь войти никто не мог. Однако кроме двери есть еще и окно, и оно распахнуто. Она не ощущала, как в ставни дует холодный ветер лишь потому, что изнутри ее согревал жар. А теперь она ощутила нечто сверхъестественное рядом, что-то такое, с чем не шли в сравнение ни визиты фей, ни присутствие духов.

– Он здесь! – собственное испуганное лицо в зеркале, будто сказало ей это, но ведь рядом с ее отражением в темном стекле больше никого нет. Рианон медленно обернулась.

– Ты не ждала меня, да? – голос был тихим и размеренным, подобным потрескиванию огонька на фитиле свечи, и все равно в нем слышалась неземная музыка.

Конечно же, он стоял здесь, в темном углу комнаты, закрыв все свободное пространство свернутыми за спиной крыльями, и от одного его вида перехватывало дух.

– Ты! – Рианон невольно покосилась на дракончика, лазавшего по ее шкатулкам. Ей инстинктивно захотелось защитить свою новую игрушку. Однако тот даже не встрепенулся при виде нежданного гостя. Он по-прежнему играл с драгоценностями.

– А ты ожидала увидеть кого-то другого? – дуги золотистых бровей высокомерно изогнулись. Он сделал шаг вперед.

– Не подходи! – Рианон выставила перед собой руку. Руку, в которой, к сожалению, не было меча, только крошечные пламенные искры вспыхивали на кончиках ее ногтей, но они не могли его опалить.

– Уже и так! – он хотел цинично усмехнуться, но сдавленный смешок напоминал эхо.

– Значит враги? – заключил Мадеэль. – Потому что ты так хочешь. Ты все решила за меня. За нас двоих.

– А было что решать?

– Да, – на его красивом лице промелькнул гнев. – Но делить нам было нечего.

– Кроме одного, – быстро возразила она. – Того, что ты мне так и не дал.

– Я собирался дать, а теперь... – он резко осекся. – Как думаешь, сколько нужно было бы заплатить человеку, например смертному королю, чтобы заручиться моей поддержкой на поле боя.

Теперь уже усмехнулась она. Какой серьезный вопрос, и какой глупый.

– Нужно было всего лишь пойти в церковь и помолиться богу, чтобы он послал им тебя, своего раба.

– Я больше не раб, – слова хлестнули его как пощечина. – И никогда не был ничьим рабом. Разве только твоим...

И все-таки как холодно он смотрит. Рианон впервые ощутила, что чей-то взгляд прожигает ее насквозь.

– Если ты нарушить запрет, то просто перестанешь воевать и начнешь наблюдать за враждующими с высоты своего полета. Или ты слишком привык к кровопролитиям, чтобы отказываться от такого удовольствия? Твои подданные уж точно не откажутся от трупов, которые им можно обглаживать. Возможно, скоро и ты начнешь делать, как они.

– Уже начал, – он не лгал, по тону голоса становилось ясно. – Так люди начинают пить, когда их кто-то бросил. Раньше я не понимал, зачем они прибегают к моей поддержке, теперь понимаю.

– И понимаешь страх тех, кто воюет? Или тех, кто только готовится воевать? – она ступала на шаткую почву, но это был единственный шанс. – Войска Фердинанда не отказались бы от твоей поддержки, но им не договориться с тобой. Никто не смог бы вызвать тебя на переговоры.

– О, с тобой мы могли бы быстро договориться, – он жестоко истерически усмехнулся, нервно откинул за ухо русую прядь и смахнул темных крошечных существ со своего плеча. – Им нужно отдавать душу или жизнь, чтобы заручиться моей поддержкой, тебе стоит всего лишь задрать юбки, и дьявол покорен. Ты приручила дракона и все лишь благодаря красивому лицу. Я мог бы уничтожить твое лицо, – он угрожающе двинулся вперед. – Оставить вместо него один сплошной ожог для меня не составит труда. Тебе придется жить дальше, но уже без обаяния, как жил я в аду когда-то. Лишить тебя красоты это пустяк, жаль, что мое желание от этого не пройдет. Ты ждала, кто из нас двоих одержит верх. Все ясно без слов, я пришел к тебе первым.

Он готов был сдаться? Рианон в это не верила. Она хотела метнуться прочь к окну, но он поймал ее еще быстрее. Стальная рука обвилась вокруг ее талии, мускулистая грудь под латами также казалась стальной и неподвижной. Он не дышал, хотя она и ощущала жар у расширившихся ноздрей.

Всего секунду он вел себя, как опьяненный вином человек. Бледные губы, что-то тихо и восхищенно шепча, застыли у ее волос, свободная рука скользнула по валунам кружева на ее юбках.

– Ловкая очаровательная плутовка, ты можешь удерживать дьявола, будто льва в клетке. Ты довольна?

На миг она даже испугалась.

– Ты сам говорил, что являешься совсем не той ипостасью дьявола, какой тебе считают люди, – возразила она, цепляясь за убогие воспоминания.

– Я помню.

Дышал он или нет? Она не могла разобрать. Его тело отдавало то холодом, то жаром. И то и другое было одинаково обжигающим.

– Я любил тебя, – невыразительный тон не отдавал ни скорбью, ни обвинением. – Я до сих пор тебя люблю.

Она старалась не реагировать на эти слова. Внутри нее что-то сжалось, но болезненно вспыхнул тугой огненный ком в животе, прямо под сердцем. Она тихо всхлипнула, слегка согнувшись. Толчок оказался непривычно болезненным. Сейчас любому было бы не сложно догадаться о ее состоянии, даже человеку. Естественно, мог догадаться и он.

– Значит, правда? – он прижал ее к ламбрекену на стене и долго внимательно посмотрел в глаза, его рука скользнула по туго зашнурованному корсету, чуть ослабив узлы шнуровки. – Ребенок! Мой ребенок внутри тебя! И значит я не имел права даже знать об этом.

Рианон вздрогнула. Ее волосы рассыпались по шелковой обшивке ламбрекена, дыхание стало горячим, но защитить ее от него оно не могло. Вот он рядом, падший ангел, он держит ее в стальных объятиях, заглядывает ей в глаза и тем не менее от его взгляда она не слепнет. Другой не смог вынести этого созерцания, а ей даже не больно. Разве только она ощущает желание. Они ведь все-таки могли быть вечно вместе. Ей просто нужно было выбрать. Лорет или Мадезель. Мадезель или Лорет. Неужели чаши весов равны? Весь мир, который он предлагал ей в обмен на один-единственный город. Да. Даже смотря в его глаза Рианон оставалась непреклонна. Она хотела то, что получила.

Прочти он сейчас ее мысли, и мог бы ее уничтожить, но его больше занимало другое. Красивые брови хмурились в гневе и растерянности, золотистые ресницы дрожали. Крылья тоже трепетали за спиной, обдавая их разгоряченные лица слабым ветерком.

– Я чувствовал это, – он снова опустил взгляд на ее уже ослабленный корсет. – Я ощущал, что теряю нечто невыразимо ценное. Нечто мое...

– Не твое! – Резко возразила она. Огненный вздох не обжег ему лицо лишь чудом. Сейчас он бы даже не ощутил физической боли, потому что внутренняя ярость терзала его куда сильнее.

Они оба пылали от гнева и от желания. Какое неудачное сочетание. Еще миг и битва закончиться в постели. Рианон постаралась не смотреть на него, однако сияние исходящее от его кожи не заметить было не возможно. Действительно создавалось впечатление, что в ее спальню заглянула заря, и здесь стало светло. Хорошо, если никто не заметил из окна удивительное свечение. Мадеель с его роскошными крыльями занимал большую часть пространства, и его частично закованное в броню тело сияло подобно сплошной свече. Несмотря на латы, он всегда оставался наполовину обнажен, и кожа мерцала еще ярче чем золотые вставки металла на ней. Одновременно и воинственный и соблазнительный он мог вызвать как восхищение, так и ужас. А она сама уже успела узнать, что люди слепнут или сходят с ума от одного его вида. Странно, но даже от интимной близости с ним она не пострадала. Разве только, что плод, который зреет внутри нее, ее не убьет.

– Ты хочешь меня, – она рисковала вызвать его гнев, но ей было все равно. – Но я стою дороже, чем ты можешь мне дать. Я требую, чтобы ради меня ты нарушил запрет бога или убрался отсюда навсегда.

– А если я уже это сделал? – он придвинулся к ней еще ближе, так что его дыхание теперь почти ее обжигало. В его лице весь ад был рядом, но ей было не страшно, она привыкла жить с пеклом внутри себя, а теперь у нее еще будет его ребенок. И в постели, и на войне они как будто едины.

Его шепот стал почти проникновенным.

– Что если я уже встал на ту сторону, на которую не должен был становиться. На сторону неправых. На сторону зла, где по сути я и должен быть.

Она попыталась отвернуться, но он осторожно коснулся ее подбородка пальцами и развернул к себе, так, чтобы их взгляды встретились.

– Что если я нарушил уже все запреты с одной-единственной целью – вернуть тебя?

Минуту они смотрели друг на друга, Рианон отвела взгляд лишь тогда, когда поняла, что тонет в синеве его глаз, будто в некой бесконечности. Она вырвалась из их тягучей глубины, как из плена.

– Тогда ясно, почему твои крылья так сильно потемнели.

Он вздрогнул, как от удара. На минуту он даже замолчал. На его бесстрастном лице вдруг сменилась целая гамма чувств от смятения до полного отчаяния, почти испуга.

– И все-таки я был прав, тебе хочется воевать со мной?

Она могла бы лишь кивнуть, но не нашла для этого сил. Все и так было понятно. Он мог и не читать ее мысли, а она его. На самом деле договориться можно было и без слов. Наверное, все правители мира мечтали бы однажды увидеть его в своем тронном зале и вести переговоры о помощи. К Рианон он пришел сам, чтобы предупредить о сражении. Она бы могла потянуться за мечом прямо сейчас, но еще было рано. Лучше встретиться на поле боя, как они встретились в первый раз. Только в тот раз она ему проиграла, а теперь обязана победить.

Он выпустил ее, медленно и неохотно. Перед ним за окном простиралась небеса, весь темный мир, принадлежащий ему и тем не менее он не хотел улетать. Просторная королевская спальня оказалась для него слишком тесной, и все равно он старался пробыть здесь так долго, как только можно.

Это все из-за крыльев, подумала Рианон, даже если он складывает их полукругом за своей спиной ему все равно негде развернуться. Они слишком пышные, сильные и великолепные. Один их взмах легко бы сшиб ее с ног. У нее никогда не будет таких. Рианон болезненно зажмурилась. Он ведь обещал ей крылья. А если он так легко нарушает обязательства, данные ей, то и законы бога ему нарушить не трудно.

– Я хочу воевать, – подтвердила она. – Со всеми своими врагами в Лорете, но первым делом с тобой.

Он невесело усмехнулся, будто давал понять, что другого и не ожидал. С чего ему ждать от кого-то благодарности – чувства, которого он сам никогда не испытывал. И все же у окна Мадеэль задержался.

– Стало быть ты не считаешь этого ребенка моей собственностью? – от его тихого шепота исходило нечто угрожающее, как от шипения огня.

– Он не собственность, ни твоя, ни моя. И выживать ему придется самому по себе. Его никто не хотел...

– Говори только за себя, – его голос смягчился и все равно отдавал угрозой. – Я ни за что не брошу того, кто принадлежит мне.

– Кажется с тобой это в первый раз, – она невольно усмехнулась, представив себе всех тех глупцов, которые однажды заключив договор с дьяволом, потом расплачиваются за это всю жизнь. Или даже всю вечность.

Он легко пожал плечами, от чего крылья за ними плавно завибрировали.

– В первый раз у меня появилось что-то по-настоящему мое, и ты считаешь, я не попытаюсь забрать это.

– Зачем? – она насторожилась.

– Без меня такому созданию не выжить. Вспомни, что я говорил тебе про Собор Грома.

– Ты считаешь, что мое желание иметь крылья приведет меня туда?

– Уже нет, – он сощурился, будто пытаясь заглянуть внутрь нее, его глаза лучились нестерпимым светом, который заставил ее отвернуться. – Во всяком случае не так как всех...

Она не совсем его поняла. Но разве можно понять ангела? Он здесь, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки и все тайны вечности будто просвечивают сквозь него. Он близкий и достижимый, и в то же время абсолютно недостижимый. А все, что он говорит о чувствах это бред. У такого великолепного и всемогущего создания не может возникнуть любви, разве только к себе самому.

– Я буду с тобой драться, – предупредила она. – Как бы ты не хотел этого ребенка, тебе не удастся его забрать.

Минуту он смотрел на нее без всякого выражения, будто старался запомнить каждую черту перед неизбежной разлукой. Разлукой на вечность. Когда они встретятся в следующий раз, то уже будут врагами.

– И все-таки я попытаюсь, – пообещал он.

Еще несколько секунд он оставался рядом, а потом лишь встрепенулись в ночи золотистые крылья. Они все еще казались ей золотистыми, хотя дымка потемневшего оперения выделялась все больше. Мадеэль может унести со скоростью ветра, ни один часовой с башен не смог бы заметить его, а если бы и заметил, то призвал бы свою погибель. Рианон представила, как длинные тонкие пальцы с золотыми когтями смыкаются на горле случайного наблюдателя. Если бы Мадеэль захотел, то легко бы перебил всех часовых и лучников на башнях, только за это, что они осмелились заметить его, прилетевшего на ночное свидание. Что ж, больше свиданий не будет. Рианон безвольно опустилась на тумбочку перед зеркалом. Она чувствовала себя мертвой. Даже пламя внутри не портило этого впечатления. Война еще не началась, а весь мир как будто уже рухнул.

– Чего же ты хочешь, милочка, в жизни приходится выбирать, либо ты остаешься любимицей божества, либо идешь отвоевывать свое, – очень некстати подал голос дух. – Но несмотря на сложность ситуации ты сделала правильный выбор. Он должен гордиться тобой, потому что сам когда-то поступил также. Ты переняла его лучшую черту – независимость. Это надо было бы отпраздновать.

На столе рядом звякнули бокалы с вином, графин и поднос плавно завибрировали, будто некая сила стремилась поднять все предметы в воздух.

– Прекрати! – скомандовала Рианон.

– Почему? – невинный вопрос отдавал насмешкой.

– Ты действуешь мне на нервы.

Однако дух не прекратил. Один из бокалов наконец-то плавно поднялся над поверхностью стола и медленно поплыл по воздуху.

– Я же сказала перестань, – Рианон схватила первое, что попало ей под руку, золотую инкрустированную табакерку и швырнула в том направлении, где должен был находиться распоясавшийся слуга.

– Уф... – простонал кто-то, когда кубок с вином упал на ковер. Вино расплескалось, окропив пушистую поверхность точками похожими на следы крови. Видимо, она попала в цель.

– Я не думал, что ты захочешь воевать и со мной.

– Ты неправильно думал.

Кто-то фырчал и отряхивался. Рианон заметила, что несколько капелек вина запятнали ей подол. Как жаль, ей нравилось это платье. Конечно, можно было бы заставить служанок его почистить, но она не хотела снимать его. Рианон наклонилась и провела пальцами по испачканному шелку.

– Пусть они исчезнут, – подумала она, всего лишь подумала, даже не произнося слова вслух, но шелк под ее рукой вдруг оказался чистым. Никаких пятен. Рианон перевернула ладонь тыльной стороной вверх. Рука тоже оказалась чистой. Странно, на миг ее пронзил страх, будто исчезнувшие пятнышки могли стать родинками на ее ладони.

– Ты очень несправедлива к своему слуге, я же стараюсь изо всех сил, – пожаловался дух.

– Ты плохо стараешься, – отрезала она. – Если б ты был обычным слугой из плоти и крови я бы велела высесть тебя за нерадивость.

– Ну, тогда мне повезло, что я вообще нематериален.

Может Рианон только показалось, что кто-то незримый пытается оттереть пятнышки с ковра. Во всяком случае они становились бледнее, а некоторые вообще исчезали. На светлой поверхности это производило такой же эффект, как если бы сотни красных глазок подмигивали ей.

– Хочешь, я расчерчу для тебя карту звезд, – вдруг предложил дух.

– И зачем мне такая карта? – изумилась она.

– Милая, иногда созвездия, что находятся над нами видят и запоминают намного больше, чем можно передать. Посмотри в окно. Разве тебе не кажется, что весь мир оплетен звездной сетью.

– И ты предлагаешь мне сверяться с созвездиями, как с компасом, – скептически хмыкнула она.

– А может всего лишь договариваться с ними, запоминать те места, где они светят ярче и искать там выгоду для себя.

– И ловить звезды, – закончила она за него. – Мне все это не нужно.

Карта звезд. Кажется, Орфей предлагал ей сделать нечто подобное, но она не могла взять в толк за чем ей это нужно. Какие отношения небесные плеяды могут иметь к земному полю битв? Разве только удача может светить ей под определенной звездой. Об этом ли пытается сказать дух?

– И все-таки от тебя было бы больше пользы, если бы ты сам слетал впереди войск и доложил мне, где поджидает засада.

Дух что-то пренебрежительно хмыкнул, но все же возражать не стал. В данном случае ей было бы удобно использовать его. Конечно, она и сама может почуять опасность, но всегда приятнее иметь кого-то исполнительного и ловкого. При чем мальчик на побегушках, шпион или гонец не справятся с тем, с чем может справиться он, абсолютно невидимый и вездесущий.

– Кстати, я недавно летал за его милостью...

– Кого ты имеешь в виду?

– Этого напыщенного черного петуха, князя Ротберта. А еще последил немного за сэром Вивианом. Ну и делами занимаются эти двое.

– Меня не интересуют их дела, – отрезала Рианон, все же порадовавшись тому, что из ее никчемного слуги вышел неплохой докладчик. Со временем его способности можно будет использовать себе на выгоду.

– А если эти дела касаются тебя, – вкрадчиво заметил дух.

– Каким же образом, – она была уверена, что сватовство князя осталось далеко позади. Или он все еще надеется, что ей нужен уже не второй, а третий супруг? Может даже ждет, пока она овдовеет, чтобы предложить ей это. Есть ли у него возможность покушаться на жизнь Фердинанда, а потом и его королевство. Рианон представила себя вдовой на троне, к которой является необычный претендент на ее руку, колдун, который помог бы ей удержать власть. Только вот он был ей уже не нужен. С ее теперешними ресурсами сверхъестественных сил, она бы усидела на троне и сама. С беззащитной девочкой в Лорете было легко справиться, а с госпожой нечисти уже нет. Она не ощущала шаткости трона под собой. Власть принадлежит ей по праву.

– А что если эти двое, сами того не подозревая, ставят палки в колеса тебе и твоей великой армии? – не отставал дух.

Какой же он настырный. Рианон ударила гребнем по зеркальной раме, так что звякнул металл.

– Что ты имеешь в виду? – ей до сих пор казалось, что в мрачной поверхности зеркала прямо за ее светлым отражением движутся и живут какие-то силуэты, поэтому она отвернулась.

– Ротберт, например, переманивает драконов. А Вивиан мечтает их убивать. Этим двоим нелегко ужиться, ни часто обманывают друг друга и спорят, но вместе они причиняют вред тебе.

– У них ничего не выйдет, – Рианон покачала головой. – Тот случай с доспехами был единственной их победой и то лишь для того...

– Ты считаешь, что эти доспехи должны достаться тебе, – закончил за нее дух, будто прочел ее мысли.

– Верно, – она не стала возражать. – Это будто судьба. В таких доспехах мне ничто не страшно. Даже заговоренным стрелам их не пробить.

– Спорю, ты была бы не прочь прямо сейчас снять их с Вивиана, – дух нагло хихикнул. – Так как ты собираешься их добыть? Пойдешь и попросишь, чтобы он тебе их отдал? Или у тебя есть много других соблазнительных способов заставить его раздеться? А потом твои подружки опоят его, как Фердинанда, и можно уносить хоть все, что сэр рыцарь имеет.

– Весьма разумно, – Рианон и сама уже обдумывала идеи оболъщения.

Дух раздосадовано фыркнул.

– А что если он равнодушен к женщинам.

– Ко мне и к Деннице равнодушен никто не бывает, – сказала она, как отрезала. С таким звуком чеканят золотые монеты, выбивая чей-то герб уже бесповоротно. Дух притих.

– Даже бог, – подтвердил он наконец.

– Не говори мне о боге, – потребовала Рианон.

– Почему же?

– Каждый раз, когда о нем думаю, я вспоминаю о несправедливости мира, который он создал.

– Ты мыслишь совсем как твой избранник. Вот уж и впрямь его вторая половина.

– Помолчи, – Рианон не могла задеть его ни чем другим, кроме как словами. Пустоте не пригрозишь мечом. Как ни раз и с гордостью заявлял ей дух он и так нематериален. Тогда

как же ей удалось задеть его табакеркой. Она слышала, как он всхлипнул. Может все дело в том, что он невидим, а не нематериален.

Во всяком случае с ним удобнее уживаться, когда он молчит.

– Но ведь ни чем кроме как словами я не могу показать, что нахожусь рядом.

– Ты можешь изображать трели птиц или ветер, а еще чуть сдвигать предметы рядом со мной. Так по звону колокольчика или падающему перу я могу узнать о том, что ты близко.

Ему этот совет явно не понравился. Рианон бы чувствовала себя спокойнее, если б он перестал болтать и сообщал о своем присутствии лишь едва различимыми звуками или вибрациями. Она надеялась, что на поле боя от него будет больше проку чем дома. Возможно, там он проявит себя незаменимым лазутчиком. Пока это были просто надежды. Единственное на что она могла по-настоящему положиться это собственные силы. Рианон вспомнила о том, где спрятан меч и поднялась. Ей нужно было тренироваться.

Небесная лилия

Морен прибыл сюда, привлеченный криком и теперь разглядывал очередное тело. Эту девушку, такую же светловолосую и пригожую, как все до нее, могли и не убить. Она сама могла выброситься из окна. Причиной всему несчастная любовь или что-то еще... Он слышал, как хлопают створки раскрытого окна на верхнем этаже и знал, что в покинутом доме пусто. Череп единственной его обитательницы расколот о мостовую. Впервые ему стало дурно от запаха крови. На поле боя он не оказался бы таким брезгливым, там он привык убивать, равнодушно смотреть, как на отрубленные конечности, так и на чьи-то выпущенные кишки. Там смерть была рядом и выжить можно было лишь привыкнув к ней. Здесь все было иначе. Никогда прежде смерть не казалась ему такой близкой и мрачной. Что-то было не так...

Истошный вопль, который он слышал, до сих пор стоял у него в ушах. Теперь он рассматривал мертвое лицо, чуть опаленные ресницы, бледную кожу. Из губ сочилась кровь и он боялась, что приоткрыв их, обнаружил бы, что язык отрезан. Правда, на лице не было заметно ни царапинки. А вот растрепанные светлые волосы на концах были неровно обрезаны. Из них будто кто-то вырвал целые пряди. Могла ли в них вцепиться рука дьявола?

Морен осторожно повернул голову и заметил свежие раны на шее. Если б не эти рубцы можно б было и впрямь подумать, что девушка разбилась, бросившись вниз с высоты. Хотя здесь не так уж и высоко. Морен смерил взглядом расстояние до черепичной крыши. Потом опять посмотрел на порезы на девичьей шеи. Так могло действовать лишь какое-то животное, волк или крупная собака. Он заметил, как выпирают под мясом ободранные косточки. Ему почему-то было страшно прикоснуться к ранам. Может ли мертвая кровь быть зараженной?

Осматривая труп Морен не снимал перчаток, но опасался, что нечто ядовитое исходящее от мертвого тела могло просочиться даже сквозь них. Кто-то будто нашептывал ему об этом нарочно, чтобы запугать.

– Кто же это сделал? – спросил Морен тихо и не особо рассчитывая на ответ. Узкая маленькая улочка перед ним была пуста. Здесь не было ни свидетелей, ни убийц. Некого было опросить. К тому же даже если б он начал колотить латной рукавицей в двери каждого дома, ему бы не открыли. Никто из горожан не хотел впускать к себе солдат, даже под угрозой смерти. Они сами стали будто зачумленными. Армии короля будто и не были королевскими. Теперь, когда на Лорет свалились несчастья, многие вспомнили о принцессе Рианон. Затянувшаяся война, мор и голод могли оказаться карой за то, что страну лишили законной наследницы. Раньше о подобном никто не думал или предпочитал не думать, но сейчас после необычайно долго задержавшейся и холодной зимы, все изменилось. Люди готовы были сделать и сказать, что угодно лишь бы только отступил холод, убивший все посеяны, и исчезли с дорог оголодавшие армии. Мороз попеременно сменялся вспышками огня, взявшегося из ниоткуда и выжегшего дотла несколько поселений. Народ начал говорить о драконах. Пока их никто не видел, но боялись увидеть все. Каждый думал о том, что село или городок, в котором он проживает, может сгореть следующим.

Морен предпочитал сохранять на плечах трезвую голову, хотя порой это было сложно. Он насмотрелся на поле боя таких ужасов, от которых любой мог потерять рассудок. И дело было вовсе не в резне, а в тех тварях, который как будто нарочно следовали за кровопролитиям и выжидали момента, чтобы накинуться на трупы или даже на все еще живых людей. Морен видел, как они появляются из мрака или с небес и начинают заживо пожирать раненных. Поэтому больше всего он опасался каких-либо ранений, пусть даже самых незначительных. Он боялся, что запах и вид его крови может привлечь подобное существо, от которого потом уже будет не отбиться.

Однако странно, что твари нападали на воюющих и исключительно на поле боя, будто были ограничены местом, где разворачивается война. Морен ни разу не видел, чтобы они поедали трупы простых горожан. Вот и сейчас перед ним лежало мертвое тело, но никто не накинулся на него, чтобы устроить кровавую трапезу. Возможно, со временем лишь вороны налетят на падаль.

У Морена не было времени, чтобы хоронить труп и нигде поблизости он не видел людей, которые могли бы ему в этом помочь. Лишь какая-то тень вдруг отделилась от темной стены. Сутулый человек похожий на бродягу в лохмотьях цвета сажи вначале напомнил ему одного из тех существ, которые поедали павших на поле брани. Незнакомец будто давно уже и перестал быть человеком. Но это ведь человек...

Морен встал, выпрямился и попытался найти в нем хоть одну человеческую черту. Все же его рука предосторожности ради легла на эфес меча. Фигура в лохмотьях со сгорбленной спиной и вправду напоминала одну из тварей, которых он видел. К тому же в темноте казалось, что черный горб живет сам по себе, как отдельное крылатое существо, насаженное на согнутую спину.

– Что вы хотите? – Морен собирался спросить это, но не услышал собственных слов. Язык будто онемел.

– А ты? – рука с грязными, почти черными ногтями потянулась к нему. – Хочешь узнать из-за кого все это?

Незнакомец указал на труп.

И Морен кивнул.

Вместо того, чтобы оказаться слугой, он стал повелителем. Желая заполучить необычного наемника в свои армии, Манфред ни как не рассчитывал, что сам окажется у него в плену. Тот, кого он так долго ждал, пришел и начал диктовать свои условия. Первым из них была оплата. Вначале это требование не испугало короля. Голову Рианон он готов был отдать с радостью, но победа стоила большего. Манфред сам не успел сообразить, что обещает, а уже лишился собственного сына. Лишь увидев близко изуродованный труп Конрада он понял, что впустил в свое королевство демона.

Теперь этот демон жил при дворе. Но назвать его демоном в лицо не поворачивался язык. Скорее он был божеством, и не темным, и не светлым, но по сути все равно ослепительным. Находиться рядом с ним было больно. Манфред постоянно ощущал его присутствие позади себя в тронном зале и обливался холодным потом. Пальцы, тонкие и липкие, похожие на могильных насекомых, скользили по спинке его трона, оставляли кровавые следы на золоченых подлокотниках или манили к столу червей. В шелесте его крыл слышалась какофония всего ада. О, да, у него под плащом были крылья. Теперь Манфред убедился в этом, потому что увидел воочию, однако обмолвиться ни словом не смел. Он не хотел умереть за нарушение своих обязательств. А небесный воитель требовал много. С каждым часом ему становилось нужно все больше и больше. Самое главное богатство его ни интересовало. Ни золото, ни драгоценные камни были ему не интересны.

– Всего лишь игрушки. Вечные, как и я, но всего лишь игрушки, – небрежно отзывался он о сокровищах, накопленных в королевской казне.

У него было на то право. Одна его броня сверкала ярче любого золота. Даже ярче солнца. Манфред невольно шурился на свет исходящий от него, даже если необычный союзник стоял в другом конце тронного зала.

Союзник или противник? Манфред невольно напрягался каждый раз, завидев вдали его. Инстинктивно он угадывал опасность. Это существо не станет ему помогать. Оно пришло сюда само, ни кем не призванное и ни чем не соблазненное. Оно могло исчезнуть так же легко, как и появилось, при этом не взяв на себя никакой ответственности. Манфред представил себя

брошенным на поле боя. Демон мог с ним такое сотворить. Странно, но смотря на этого демона он забывал даже о том, что Конрад мертв. Очевидно, что горло и грудь принца разорвали все те же изящные пальцы с золотыми ногтями, которые сейчас лениво играли со снятой со стены алебардой. В этих руках любая тяжесть весила не больше пушинки. Такие красивые, ни могли разнести по камешкам целый замок до самых его основ или даже все королевство. Манфред ощущал невероятную силу, исходящую от этого существа. Для него не было бы проблемой разрушить даже весь мир, если б он захотел. От одного его присутствия рядом давящая энергия распространялась на тронный зал. Казалось, что плиты пола и стен вот-вот рассыплются в порошок. Сам Манфред ощущал себя раздавленным лишь от того, что это существо обитало теперь в его замке. Точнее в тронном зале. Ему больше всего нравился именно тронный зал.

– Отсюда видно, как занимается заря, – бесстрастно объяснил это крылатый воин. – Меня тоже когда-то звали сыном зари.

Манфред вздрагивал на своем троне каждый раз, когда слышал этот голос. И не тенор, и не бас, и не баритон. Он не мог дать ему определение. Будь он на октаву выше или ниже, а все равно охватывал все пространство вокруг. Его слова будто облаком повисали над вселенной и возразить им было нечего нельзя. Они непреложный закон. Манфред знал, что хоть и сидит на троне, но страной правит уже не сам. Это существо его сменило. Там, куда приходит оно, уже не может быть второго правителя.

Он не думал, что станет заложником в своем собственном государстве. Теперь он всего лишь марионетка, которая отдает указы. Указы, которые нашептывает ему стоящий возле его трона воитель. Чаще всего он не видим никому, кроме самого короля, но нередко в толпе раздаются и крики боли, кто-то хватается за голову и бьется в истерику, другие прижимают пальцы к ослепшим или кровоточащим глазам, у третьих кровь идет из носа и рта, и они начинают захлебываться ее. Значит, эти люди тоже увидели его, насладились всего лишь на миг божественным обликом и заплатили за это. Манфред не понимал, почему до сих пор не ослеп сам. Возможно, потому что демон большей частью стоял у него за спиной, склонялся к спинке трона и нашептывал ему свои условия. Его шепот был как огонь. Манфред почти ощущал вибрацию пламени на своей коже. Возможно, он уже лишился разума, потому что жить без этих нашептываний не мог. Он был правителем огромной страны, но его правителем был демон.

Бесполезно было убеждать в чем-то нового союзника. Когда он узнал, что несколько армий Манфреда уже потерпели поражение, то даже не схватился за меч, чтобы вести в бой следующие.

– Ты ждешь, пока у меня не останется ни одного воина? – негодовал король, когда они оставались наедине в сумраке тронного зала.

– Да, потому что я один могу сделать больше чем все они, – бесстрастно уверял демон, и Манфред верил ему. Действительно он один мог сражаться против целого войска. Если верить слухам, то так но и было. А когда Манфред пожелал доказательств, он тут же об этом пожалел. Лучший из запасных отрядов, которые он держал в арьергарде, заплатил ни за что. Эти воины чуть дольше других задержались у замка, они пили, бражничали и тренировались. Их было больше сотни. Демон исчез из тронного зала всего на несколько минут, а вернулся уже с голова убитых. Красивый, довольный, с губами перепачканными только, что выпитой кровью, он небрежно держал в руке отрубленные головы ухватив из за волосы.

Манфреда замутило. Он смотрел, как кровь капает с неровных обрубков шей прямо на мраморный пол, а какие-то твари жадно слизывают ее.

– Ты... ты пьешь кровь поверженных, это единственная плата, которая тебе нужна? – Манфред сжался на троне и кричал, а вид его гостя оставался сытым и довольным. Он даже не слизнул с губ кровь.

– Посмотри в окно! – коротко бросил демон. – Там мои слуги насаживают на колья головы остальных.

– Слуги! У тебя есть слуги? – Манфред не мог вообразить себе такое.

– Все вы мои слуги, – отрезал демон. – Все кто ведут войны на самом деле лишь поклоняются мне.

Он бросил мертвые головы, и они покатались по полу, оставляя кровавый след. Когда золотые сандалии опустились на ступени тронного возвышения Манфред задрожал. Причиной страха стало даже не кровопролитие и не то, что этот воин сильнее сотни его лучших бойцов. Само его присутствие рядом было невыносимым, ощущение близости с ним опускалось на Манфреда, как давящий пресс. Казалось, еще миг и он задохнется от того, что какая-то тяжесть наваливается на него. Слепящее сияние исходившее от воина тоже было пыткой. От него слепились и болели глаза. Когда воин оперся о пинку трона и склонился к нему, Манфред был едва жив от боли и страха. Огненный шепот почти обжег ему лицо.

– Я разрешаю поклоняться мне всем, кто этого хочет, но взамен требую больше, чем даже их жизнь. Значительно больше...

Язык похожий на раздвоенное жало провел по его щеке, оставляя зудящий след.

Манфред вдруг вспомнил все: и воронов у своего окна, и мольбы к духом, и отделяющие от темноты тени, живущие сами по себе. Вспомнил свои молитвы к тьме, то, как искал помощь колдунов и ждал, пока явится дьявол. Он до сих пор ждал, только думал, что явится кто-то темный, а не ослепительный, подобный заре.

– Сын зари! – всего лишь одно из имен дьявола, более древнее и величественное, но все равно его имя.

По губам воина пробежала усмешка.

– Верно, – он отстранился, вместе с ним исчезло и сияние, оставляя Манфреда в полной темноте.

В этой темноте кишели твари, целые легионы отвратительных, голодных существ, повсюду следующие за сверкающим воином.

За зарей следует шлейф тьмы. Те орды копошащихся гадов, которые шли у него по пятам, казались всего лишь продолжением его длинного плаща. Он привел их сюда, но станет ли он их отсюда уводить, когда сам уйдет. Или даже после победы они останутся. Манфред уже не слишком задумывался о победе. Впервые он ощутил себя в ловушке. Даже если Лоретт победит, покинет ли его демон. Или он засел здесь навечно? Манфред уже жалел о своем решении призвать его.

– Я пойду навстречу войску, – непререкаемым тоном заявил воитель.

– Один? – все же изумился король.

Красивая златокудрая голова тут же обернулась к нему. На бледном светящемся лице застыло такое презрительное выражение, что король ощутил себя раздавленным.

– Это мое условие, – холодные слова прозвучали, как приказ. Возразить Манфред ничего не мог. Единственное, что он мог это надеяться, что в предстоящей схватке погибнет это существо, или Рианон, или они оба. Почему-то в равной степени он ненавидел их двоих. И если уж сравнивать по шлейфу несчастий, который они за собой принесли, то эти двое друг друга стоили.

Рианон следила, как медленно и неуклонно перо движется над картой. Его кончик вычерчивал стрелки и крестики в необходимых местах.

– Ну, вот, все, – дух закончил, и перо повисло в воздухе.

Лучше было бы взять кисточку и немного краски, а то от жирных чернил уже растекались кляксы по бумаге. Рианон вздохнула, но незримого слугу отчитывать не стала. Он сделал все, что мог. Крестики отмечали место расположения вражеских войск, стрелки то направление, в котором они собираются двигаться, а волнистые дуги пробежавшие возле лесов или оврагов говорили о засаде.

Удобно иметь слугу, который может слетать во вражеские шатры и подслушать разговоры главнокомандующих. Впервые Рианон была им горда. Он все-таки справился с заданием, если только чего-то не проглядел. Перед глазами у нее уже рябило, от прочертивших карту стрелок. Они складывались в целый узор, будто линии судьбы на ладони. Если хоть одна из них указана неверно...

Рианон сжала руку в кулак, но припугнуть слугу так и не смогла. В нос ей вдруг резко ударил запах водяных лилий. Опять. Как будто раньше она этого не чувствовала. Поблизости не было цветов, это она точно знала, и озер, где могут цвести лилии тоже не было. Тогда почему стойкий аромат будто следует за ней. Так пахло только от кожи Мадеэля, но его ведь тоже нет рядом. Хотя возможно сам походный шатер навевает ей воспоминание о нем и о лилиях.

– Довольно меланхолии, – незримый слуга попытался высвободить карту из-под ее пальцев и чуть не порвал лист.

– Хватит шутить! – она с силой вонзила кинжал ровно в центре стола, плотно прикрепив его кончиком карту. Странно, но лезвие вошло именно в том месте, где алыми буквами было выведено Лорет. Их цель. Скоро они ее достигнут.

Дух расчертил для нее их собственную карту с точным обозначением даже самых незначительных точек местности, при чем не только тех, которые принадлежали людям. Здесь наряду с полями предстоящих битв были отмечены и лощины фей, и места обитания горной нечисти, и Серп Насмешников, и все ручьи или источники, через которые Рианон могла призвать своих помощников из подводного мира.

– Ты многих завербовала и еще многие остались, – сетовал дух и начинал докладывать, что там то и там то еще обитают драконы, которых легко перетянуть на свою сторону, что желательно сделать до того, как к ним подберется Ротберт. Рианон кивала на его замечания, а сама внимательно изучала места расположения вражеских войск. Несмотря на мор, голод и потери в сражениях их еще оставалось довольно много. Дух сообщил ей точное число каждого отряда. Рианон оставалось лишь сложить эти цифры и подсчитать, сколько людей все еще верны Манфреду.

– Не исключено, что они решат перейти на твою сторону, когда поймут, что за тобой превосходство.

– Возможно, – кивнула она, хотя сама почему-то была уверена в обратном. Она записывала названные им числа в столбик и подсчитывала результат сложения.

– Неужели ты пересчитал всех по головам?

– Ну, с высоты полета это не так уж затруднительно.

– Надеюсь считать ты умеешь без ошибок, – язвительно заметила она. Рианон и так знала, что численный перевес на ее стороне и все-таки что-то не давало ей покоя. Она с расстояния чуяла, что вражеские армии чем-то ободрены. Что может воодушевлять людей, которые от одной затянувшейся войны тут же вынуждены перейти к новой, еще более кровавой? Ей было ясно, что дух чего-то недоговаривает. Возможно, он просто боялся сказать. А завести разговор на эту тему сама она не решалась. На их ли стороне непобедимый воин?

Рианон взяла повисшее в воздухе перо и стала сама водить им по карте, обдумывая продвижение вперед собственных войск. Из нее получился неплохой военачальник и стратег. Фердинанду пришлось сдать ей свои позиции. Он лишь считался главнокомандующим, но руководила армией она. Это было вполне разумно, учитывая то, что главная и сверхъестественная часть войска, могла послушаться лишь ее приказов. Волшебные существа, незримые и невероятно сильные, уже следовали за пешими и конными отрядами, прятались возле палаток, перешептывались в ночи, выглядывали из лесов и оврагов. Они были повсюду: в воде, под землей, в воздухе, на горных вершинах, на тонкой грани между миром людей и нелюдей. И все они ждали лишь одного ее приказа, чтобы ринуться в битву. Пока что они были ее тайным резервом, но в случае опасности о них узнают все. Тогда простым смертным солдатам придется сми-

риться с тем, что они воюют бок о бок с волшебными существами. Помехой такому сотрудничеству могло стать лишь суеверие, но Рианон надеялась, что с помощью огня и других скрытых талантов ей удастся убедить людей в своей правоте.

Еще пара минут и весь план ее действий был нанесен пунктиром на карту. Она знала, что меня уже ничего не придется. Возможно, в чем-то она слегка плутовала, используя дар предвидения, но разве Манфред собирается воевать честно.

Рианон с удовлетворением изучила карту. Если все пойдет по ее плану, то уже через несколько дней, в крайнем случае через неделю, они будут в Лорете. Если из-за внутренней обороны город придется осаждать, то она призовет на помощь подводных жителей и драконов. Если ее сверхсущества проникнут в крепость так, как умеют только они, то есть через стены, источники и с небес, то капитуляции ждать долго не придется.

Рианон отложила перо. И она, и ее слуга на сегодня хорошо постарались. Теперь можно было отдохнуть до утра. Она только не могла понять, зачем наряду с земными королевствами дух изобразил на карте слева Темную Косу, зараженную пустошь и башню Мадеэля. Разве они имеют какое-то отношение к новой войне.

– Да, если он придет, – подсказал ей разум. Тогда существа из его башни налетят поедать тела павших. Что если это будут трупы твоих воинов?

Рианон мало волновали люди, куда большей подмоги она ждала от собственного огня и от завербованной нечисти.

– Смотри! – дух, хотя его никто не просил, уже раскладывал рядом на столе другую карту, такую странную, что ее можно было принять за какой-то невообразимый рисунок. Пунктирные линии на ней изгибались по немислимым траекториям, соединенные на сгибах крупными точками. Он называл это картой звезд. Рианон скептически глянула на набросок.

– И что?

– Сравни две карты, – предложил он. – Какое место на этой параллельно месту завтрашнего сражения.

Она ткнула пальцем в одну из крупных точек и по-видимому не ошиблась. Точка тут же вспыхнула алым цветом и изогнулась кончиками многоугольной звезды.

– Что это значит? Почему она красная?

В тишине послышался лишь тихий обеспокоенный вздох.

– Кажется, завтра произойдет нечто знаменательное.

– Плохое или хорошее?

– Это с чьей стороны посмотреть, – замялся он.

– Посмотри с нашей. У нас же численный перевес, – приободрила его она, и все же в палатке повисло гнетущее молчание.

– И все-таки было бы неплохо завербовать еще кого-нибудь, – после паузы подал голос собеседник.

Уже собравшаяся спать Рианон с любопытством приподнялась на ложе. Ее шатер хоть и отличался комфортом, но до той золотисто-пурпурной роскоши, в которой обитал Мадеэль, ему было далеко. Странно, что падшему ангелу понадобилось великолепное обрамление из шелка и золота. Рианон старалась не думать о нем в последнее время, но мысли сами лезли в голову.

– Ты хочешь предложить мне что-то конкретное?

Дух уже витал где-то возле ее уха, соблазнительно нашептывая:

– К северу отсюда я заметил склеп... неприметное такое местечко среди зарослей, холодное и заброшенное. За ним никто давно не следит, потому что оно пользуется дурной славой, так что стены наполовину ушли под землю, но внутри там столько сокровищ... а знаешь, кто обычно обитает на сокровищах.

Непроизвольно Рианон потянулась к мечу.

- Отведи меня туда.
- Твой конь уже знает дорогу.

Дух не ошибся в своих расчетах. Склеп и действительно производил угнетающее впечатление, но внизу было столько сокровищ, что от них слепило глаза. Даже по облупившимся ступенькам у входа расстелился ковер из червонцев и драгоценных камней. Рианон наклонилась, чтобы поднять одну из монет, и золото словно запело в ее руках. Пальцами она ощутила слабую вибрацию золотого диска, будто держала в руке само солнце. А звук исходящий от него так напоминал мелодию, зловещую и чарующую одновременно. Поющее золото. Она еще не стала кивалась с чем-то подобным.

– Оно сообщает о том, что было ближе всего к Деннице и до сих пор является частью его, – шепнул дух.

Возможно, это было и так, но протяжный звук разбудил обитавшего в склепе дракона. Рианон пришла сюда только ради него. Сокровищ у нее хватало и у самой, но там где дух обнаружил золотые копи должен был обитать и дракон. Она рассчитывала на это, и она не ошиблась. Хоть ей и хотелось бы уладить все путем мирных переговоров, она обеими руками сжала меч. Он может ей понадобиться, как впрочем и огненная сила.

Но искристый медный дракон живший в склепе уже как будто прознал о ее приближении. Блестящая шкура почти неотличимая от горы сокровищ, отражала их переливы. Рианон на миг затаила дыхание от вида подобной красоты и невольно опустила меч.

- Будь милосердна к ним, они не помнят, кто они такие.

Коленопреклоненная фигура у драконьего ребра не сразу бросилась ей в глаза.

– Сетий! – ей вдруг захотелось обезглавить его, хотя наверное это было бесполезно. Ангел, красивый и чем-то зловещий, обхватил руками драконью голову и прильнул щекой к бронзовой чешуе. Блестящая шкура отражала в том числе и его сияние. Может, ей только показалось, что Сетий плачет. Его крылья совсем не дрожали, но казалось по щеке катиться слеза, похожая на бриллиант. Но вот он встал и выпрямился. Через секунду он уже стоял на ступеньке перед Рианон, неведомо как преодолев разделяющее их пространство. Нет, она ошиблась, подобное существо не могло плакать. Сетий был абсолютно бесстрастен, и несмотря на всю его бледную мерцающую красоту, от него веяло могильным холодом. Кожа во многих местах изъеденная червями все равно напоминала полярный лед. Он мог бы и не улыбаться, от его равнодушной чуть коварной улыбки даже ее огненная кровь могла бы заледенеть.

- Ты преследуешь меня? – она вопросительно выгнула бровь.

Его восхищенный взгляд в то же время оставался бесстрастен.

– Только как свою госпожу, – произнес он, и за бледными губами обозначились острые резцы. – Но я держусь на расстоянии.

– Ты на моей стороне? – решила спросить она, в ответ на что Сетий лишь указал рукой на дракона.

- Он на вашей стороне.

– Ясно, – Рианон прикусила губу и тут же испугалась, что выступившая капелька крови может вспыхнуть огнем. Свернувшийся на горе сокровищ дракон мог разъяриться при запахе ее крови. С его перепонками, витыми рогами на голове, острым гребнем и зеркальной поверхностью шкуры он был безобразен и в то же время прекрасен, как только может быть прекрасна жуткая вещь сделанная из драгоценных металлов.

– Он не глуп, – Сетий ступил на ступеньку выше, чтобы сравняться с ней ростом. Он был намного выше, но расположение лестницы мешало ему удобнее встать, низкий потолок тоже не позволял взмыть ввысь, используя крылья, но в этом склепе он чувствовал себя уютно, как дома. – И у него сохранились наши книги. Ты уже могла бы их прочесть...

- Я запомню твой совет, – сдержанно кивнула она, давая понять, что разговор окончен.

Сетий проплыл мимо нее так, будто она и не загоразивала своей спиной ему выход. Возможно, он хотел сказать что-то еще. Ей показалось, что он хочет попросить ее соблюдать осторожность и не жертвовать попусту завербованными, но ведь это абсурд. Что может повредить таким существам.

Внезапно ей в голову пришла одна мысль, и она обернулась.

– Сетий! – окликнула его Рианон.

– Да? – он сразу же обернулся, как будто только этого и ждал.

– Ты любил его? – она указала на дракона. – Когда он был другим, разумеется...

Ответа ей пришлось ждать долго. Вначале по губам ангела пробежала ничего не выражающая усмешка. Ему было трудно говорить, но она помнила как ласково, почти эротично эти самые губы миг назад скользили по драконьей чешуе. Он будто вспоминал о мгновениях любовных соитий, а теперь ему страшно облечь свои чувства в слова. Кажется, с ним такое впервые.

– Можешь не отвечать, – пожалела она его и спрятала в ножны меч. Если бы не звук лезвия она бы услышала еще одну его сухую усмешку. Даже блеск сокровищ отражаясь от лица Сетия приобретал зловещие тона.

– Зачем? Ты и так все знаешь, – произнес ангел.

Возможно, какое-то время еще он не уходил, а наблюдал за ней. Рианон было все равно. Она нашла то, что искала, еще одного союзника, а еще горы сокровищ, стопки книг в драгоценных окладах и удивительной работы саркофаги. Ее даже не беспокоило то, что внизу под склепом разлагаются чьи-то трупы. Те существа, с которыми общалась она, были намного древнее, чем сама смерть и ее первые жертвы. Чего ей теперь бояться? Рианон раскрыла книги и начала разбирать вязь тайнописи уже без запинок. Все здесь стало ей понятно. Мир падших ангелов – ее мир.

Морен понимал, что нельзя верить во все эти сказки, но говоривший был слишком убедителен.

– Пойди и посмотри сам, каково твое божество, – уговаривал его он. А идти нужно было по мрачным зараженным землям, куда и прокаженные испугались бы зайти. Но безумный советчик лишь смеялся, нюхом чуя все его страхи. Даже обладая мечом и силой Морен почему-то боялся этого сумасшедшего.

– Твое божество зовут Мадеэль, и он вместе с демонами поедает трупы твоих соратников после бойни.

Вместе со словами дикий хохот раздирал ночь. Морен удерживался от порыва зажать себе уши. Наверное, он будет слышать этот смех до конца своих дней.

– Я тебе не верю, – его собственные слова почему-то звучали слабо.

– Тогда посмотри сам и убедись, – наставлял незнакомец, встреченный им на темной улице недалеко от места преступления. – Я дам тебе талисман, который сделает путь коротким. Путь к мрачным небесам... До полуночи ты сможешь оставаться там, невидимый местными обитателям, но только до полуночи. Но на небо ведь достаточно заглянуть и всего одним глазком, чтобы понять, что там есть и несказанно изумиться.

Морен не совсем понимал этих толкований, но когда речь зашла о висельниках на распутье дорог даже он вздрогнул. Там недавно повесили пойманных мародеров, и трупы уже обглодали вороны, наравне с жуткими тварями.

– Под ногами повешенного вырастет цветок, ты его заметишь в лунном свете...

– Я слышал, что в таких местах растет лишь мандрагора.

– Не сегодня и не дня нас, – хоть незнакомец был и ниже его, а когтистые руки свободно легли ему на плечи, будто это он был ниже ростом. Морен вздрогнул.

– Что дальше я должен делать?

Тихий смех прошелестел в ночи.

– О, ты согласился?

– Как мне убедиться, что ты не лжешь? – ответил он вопросом на вопрос.

– Если я сказал правду, то тот цветок даже на холоде не завянет. Поднеси к нему огонь, не свернется ни один лепесток.

– И с помощью лишь одного цветка я минуя Темную Косу? – ему это казалось невероятным. – Ни один человек не добирался туда.

– Ни один человек кроме тебя не интересовался с таким пылом неземными тайнами.

– Те девушки, убийцу которых я ищу, были земными, – Морен повесил голову.

– А тот кто убил их? Ты уверен, что и он земной? – вкрадчиво спросил осведомитель.

– Я найду его в той башне?

Ответа на свой последний вопрос Морен так и не получил. Он остался один на темной улице, будто и не было рядом никого. Все, что ему оставалось это последовать указаниям и самому все проверить или же оставить всякие попытки и вернуться к армиям. Вся ночь была у него впереди. Морен решил рискнуть.

Отыскать цветок оказалось несложно, только вид повешенного вызывал невольную дрожь, а еще тоненькие голоса, раздающиеся будто из-под земли. Казалось, они предупреждают его этого не делать. Морен не послушался.

Сгинувший советчик подсказывал ему еще одну возможность. Можно было выследить одно из существ пирующих на поле сражения и идти за ним, но такой путь был бы более сложным.

– К тому же ты не умеешь летать, – ехидно замечал незнакомец, как будто сам он это умел.

Даже расставшись с ним Морен ощущал резкое чувство гадливости. Его будто целиком вывалили в пепле. Запах гари до сих пор жег ноздри. Он так и не решился поднести зажженную ветку к лепесткам цветка.

Сам цветок похожий на лилию кажется источал мирное сияние. Держа его в раскрытых ладонях Морен и не заметил, как быстро проделал огромный путь. Дерево, на суку которого болтались повешенные, и лесная тропа остались далеко позади. Перед ним лежала зараженная пустошь.

– Ступай вперед, не бойся, – подсказывало ему что-то, но Морен не решался, пока не заметил вдали одно из жутких существ. Оно обгладывало кости, а потом вдруг резко сорвалось и полетело куда-то вдаль.

Путь должен быть коротким. Морен прикрыл веки и пожелал проделать его как можно быстрее. Он не ощущал ничего, кроме почти невесомого цветка в своих руках.

– Я должен идти... – но идти вперед, как будто уже было и не нужно. Когда позади осталась и Темная Коса, он еще не сообразил, что с ним происходит. Он лишь мысленно пожелал следовать за существом, которое улетело в ночь к смутным очертаниям высокой башни. Раскрыв глаза, он обнаружил, что стоит уже внутри нее, только лилии в его руках больше нет.

Морен глянул себе под ноги. Перед ним начиналась лестница. Поверхность ступенек испещряли тонкие царапинки, будто линии проведенные чьими-то когтями. Инстинктивно он понял, что ему нужно идти вверх. Лестница могла показаться ему бесконечной, если бы он не различал доносящиеся сверху звуки и голоса. Казалось, до говоривших рукой подать, но каждый раз его ждал лишь новый поворот ступеней.

Ему ведь нужно соблюдать осторожность. Он сам находится здесь на правах соглядата. Его не должны заметить.

И все же Морен едва сдержал восхищенный вздох, когда ему удалось заглянуть в верхнюю залу. Пурпурный полог загораживающий вход в нее обжигал ему пальцы, но Морен смотрел затаив дыхание. Это чудо. Фрагмент золота в черном ореоле. Благоговейный страх охва-

тивший его был естественным в присутствии божества. Но почему это божество окружают такие же твари, как те, что гнездятся на полях сражений, даже еще более худшие.

– Прекратите! – всего один мощный взмах руки и шахматная доска вылетела из когтей дерущихся из-за нее тварей. Разлетевшиеся по полу фигуры продолжали вести игру сами по себе, а крылатая фигура неподвижно застыла у огромного пылающего камина.

От плясавшего в зеве огня в башне не становилось теплее. Морен продрог, но это не мешало ему присматриваться к необыкновенному существу. Воин? Ангел? Кто же это на самом деле? Во всяком случае он великолепен.

Морен жадно следил за каждым движением божества. Вот вспышки пламени отражаются в синеве его глаз, в огне танцуют и беснуются какие-то фигуры, но вырваться из камина выполненного в виде распахнутой пасти дракона, они не могут. некто по имени Мадеэль подавляет их одним своим взглядом. Сразу ясно, что все здесь, и живое, и неодушевленное, подчиняется ему. Вот он откидывает русую прядь за крыловидный изгиб уха и оборачивается. Мощные руки в золотых браслетах опираются о камин, крылья распахнуты. Искры, отлетающие от огня, им не страшны. Золотые кудри струятся по плечам, лоя блики фантастического света. А черные твари, которыми кишит вся зала пятятся, отползая прочь от его ступней.

– Мне надоели вы все, особенно ты, – он чуть не пнул ногой одно из находившихся поблизости чудовищ.

Морен сощурился. Сгорбленный черный силуэт под ногами божества ему кого-то напоминал. Кого-то, кого он видел недавно.

– И, тем не менее, ты с нами.

– Ненадолго, – Мадеэль высокомерно посмотрел вниз. – Война зовет, – он презрительно усмехнулся, и вдруг на прекрасное лицо набежала тень.

Неужели ему может быть больно? Морен весь напрягся.

– Я хочу этого ребенка, эту девочку, которую они называют своей королевой, – он сбил со стола кубки и те разлетелись. Его черные слуги в ужасе пятились, отползали прочь, оставляя на полу пепельные разводы следов. Лишь одно существо осталось непоколебимым. Оно также опасалось за свою безопасность, находясь вблизи него, но все равно не уползло.

– Тебя предали, и ты стал взрослым, – прозвучал рассудительный голос, похожий на шорох пепла у сгоревшего костра.

Мадеэль остался застывшим как статуя, даже не кинул взгляда на жуткую тварь, ползавшую перед ним по мозаичному полу башни. Это все были его бывшие братья, но в его прозрачно—синих глазах затаился лишь намек на презрение. А лицо его оставалось чистым и прекрасным, как у девушки, нет, даже девушка не может быть такой красивой, даже Рианон такой не была. Хотя разве только одна Рианон могла хоть чуть—чуть сравниться с этой красотой. Теперь, когда подглядывал за ангелом, Морен понимал это. Он смотрел не на тварей, ползавших по башне, он не мог отвести глаз от стоявшего там Мадеэля, и он забыл про условленный час. Когда он все же очнулся и заметил, что стрелки приближаются к роковой цифре, его присутствие стало ощутимо им, и раздались крики:

– Чужой!

Чья – то когтистая лапа указала на то место, где прятался Морен, безошибочно определив его, даже невидимого. Только тут встрепенулся и сам равнодушный Мадеэль. В до этого прозрачных глазах сгустилась синева грозового неба, казалось, там вспыхнули молнии. Но он не раскрыл крылья и не кинулся ему вслед, а только властно проговорил:

– В погоню.

И вот тогда с цоколей и фронтонов башни сорвалась и кинулась в полет вся его армия.

Когти, клыки, крылья, все существа, которыми владел он, как одна большая туча сцепились комом над темнотой. Только он остался где—то далеко в своей башне. Там в окне горел

свет, и только этот крошечный огонек теперь был виден над бездной, будто на пустынном ночном небе, но он то помнил, что там стоит незримой громадой его башня.

Легенды вечности

Ей снилось. Мадееэль снова здесь, он идет к шатру, одной рукой приподнимая занавесь, а в другой что-то пряча. На его пальцы что-то наматано, мягкое и липкое, будто паутина. В полутьме точно не рассмотреть, но кажется это волосы – живые пряди на мертвой голове. Он снова принес ей голову того, кто ее любил.

Рианон проснулась. Она заснула на стопке разбросанных фолиантов прямо рядом с саркофагом. Дракон дремал где-то рядом на горе сокровищ. Необычное пробуждение. Она села и впервые заметила железные розы, протянувшиеся по мраморной усыпальнице. Красиво и жестоко. На них ведь такие же железные шипы. Ее пальцы невольно потянулись к кованым гирляндам. Она хотела сорвать несколько цветков и сплести себе венок. Хорошо, что здравый разум остановил ее вовремя. Она бы ободрала себе руки до мяса прикоснувшись к подобным цветам. Что за наваждение. Желание было таким странным и неестественным, как будто пришло от кого-то другого.

– Вставай, соня, тебя уже хватились в лагере, – верещал рядом обеспокоенный дух, но она даже не обращала на него внимания. Она смотрела на розы, и ей виделось нечто совсем другое. Например, терновый венец на чьей-то прекрасной голове.

– Ты же не хочешь оставить поле боя? – причитал ее невидимый спутник. – Мы с тобой что дезертиры?

– Да отстань же ты? – когда дух стал излишне агрессивным и попытался вцепиться ей в волосы, она все же отмахнулась от него рукой. С чего это он так разволновался. Разве у него есть повод идти на войну. Он кого-то там поддерживает? Вот пусть и летит сам. А она и здесь нашла много интересного. Рианон испытывала легкие уколы совести за то, что покинула на время поле сражения, но она надеялась наверстать упущенное.

Теперь ей даже казалось понятным, почему Сетий и его товарищи подыскивают для себя именно склеп. Здесь было так спокойно и в то же время она спала прямо на древних тайнах, покоящихся глубоко в земле. Смерть и жизнь нераздельно связаны, и иногда одно вливается в другое. Рианон слабо улыбнулась, замороженная блеском сокровищ. Философия вечности начала ей даже нравиться. Если бы не огненные всплески внутри ее тела, то все было бы и в общем хорошо. Сама атмосфера склепа, прохладная и таинственная, ее успокаивала. Ток огненной крови становился более размеренным. Даже энергия меча рвущегося в бой в ее ножах немного спала.

Рианон вспомнила вечер проведенный в лагере. Кое-что ее удивило. Когда она проходила мимо раскинутых палаток, то замечала солдат, играющих не в привычные кости или шашки, а в новомодную игру. Неизвестно как карты успели разойтись по миру так быстро. Наверняка, постарался Орфей или некая подобная ему злая сила. Во всяком случае карты вошли в моду. Рианон замечала дикий азарт на лицах играющих. Они ставили на кон все, что имели: плетеные фляги с вином, деньги, оружие, даже предметы одежды.

– Кого из них ты хотела бы видеть выигравшим? – вкрадчиво спросил ее дух.

Рианон ткнула в первого попавшегося, самого молодого и бодрого из всех.

– Его!

Тот человек выиграл и продолжал выигрывать весь вечер. Теперь Рианон вспоминала об этом, как о сне. Неужели она действительно это может – распоряжаться фортуной. Нужно только указать на того, кому она желает победы в карточной игре, и козыри сами будут идти к нему в руки.

– Ты ведь госпожа карт, – шептал ей дух. – Они были созданы специально для тебя, стало быть только ты можешь ими распоряжаться. Смело выбирай себе любимцев, и они будут выигрывать до тех пор, пока ты не отвернешься от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.